Леонид Дроздов

Ясновельможный пан ЛЕВ САПЕГА

Леонид Дроздов

Ясновельможный пан ЛЕВ САПЕГА

«Издательские решения»

Дроздов Л.

Ясновельможный пан ЛЕВ САПЕГА / Л. Дроздов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832820-6

С именем Льва Сапеги (1557—1633) связывают множество мифов. Его называют врагом России №1 и крестным отцом Смуты. А знаете ли вы, почему ему дали такое имя? Что означает его фамилия? Как он попал в Лейпцигский университет? Кто способствовал его карьере? Что помешало ему встретиться с Иваном Грозным? Какая должность в его карьере наивысшая? Почему угас весь его род? И наконец, кем он был на самом деле: интриганом с чернильницей в руках или защитником своей страны? Ответы — в этой биографии.

ISBN 978-5-44-832820-6

© Дроздов Л.
© Издательские решения

Содержание

Герой белорусской литературы 6
Часть 1. Тяжелый путь в гору 13
Глава 1.1. Лев герба «Лис» 13
Глава 1.2. Малоизвестное детство: Островно, Несвиж, Лейпциг 17
Глава 1.3. «Изгнание» из страны и дебют на подмостках истории 22
Часть 2. Время замыслов, время свершений 27
Глава 2.1. Трибунал обывателям Великого княжества 27
Глава 2.2. Лев против Андрея 31
Глава 2.3. Новые переговоры с Москвой, свадьба Сапеги и внезапная смерть короля 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ясновельможный пан ЛЕВ САПЕГА

Леонид Дроздов

Редактор Н. М. Крапивенцева
Корректор Н. М. Крапс
Фотограф А. В. Гиль

© Леонид Дроздов, 2018
© А. В. Гиль, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4483-2820-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает искреннюю признательность Даниле Жуковскому, который прочитал эту книгу в рукописи и высказал свои замечания по ее содержанию.

На первой странице обложки: Лев Сапега. Портрет неизвестного художника. Ориентировочно XIX век. Львовский исторический музей.

Фото Александра Гиля.

Герой белорусской литературы

Время само создает картины,
я только подбираю к ним слова.
Стефан Цвейг

Меня всегда удивляли некоторые высказывания так называемых «свядомых» белорусов. Зачастую, даже не предприняв попыток что-либо основательно изучить, они тиражируют собственное невежество, а иногда обычную глупость выдают за истину в последней инстанции. Таковым, например, является следующее замечание: «Беларусь, прежде всего, отождествляется с Франциском Скориной, Симеоном Полоцким, Янкой Купалой, Владимиром Короткевичем. Даже имена Всеслава Чародея и Льва Сапеги отходят на второй план». Далее следует пояснение к этой мысли: «Так происходило потому, что Беларусь не имела прочной и длительной государственности» [2, с. 106].

Несмотря на огромную работу по пробуждению исторического сознания, среди самих белорусов (не говоря уж о других народах) по-прежнему бытует подобное мнение. При этом, если иногда и признают достижения белорусской культуры, в исторически сложившейся самостоятельности и государственности упорно сомневаются. Это очевидные и самые заскорузлые мифы, с которыми надо бороться. Тем более что для этого есть все (или почти все) необходимое. Прежде всего, исторические факты, которые нужно только систематизировать и довести до массового читателя в нашей стране и за рубежом. И биография Льва Сапеги в этом смысле лучший материал.

Время показало исключительную жизнеспособность государственных институтов, созданных при активном участии Льва Сапеги. Статут Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ), принятый в 1588 году, действовал в течение более чем двухсот пятидесяти лет[1] (для сравнения: за период с 1918-го по 2013 год в Беларуси сменилось шесть основных законов). Трибунал ВКЛ (высший апелляционный суд) существовал почти столько же. На протяжении более ста лет был законодательно закреплен государственный статус белорусского языка. Униатство как основная религия ВКЛ просуществовало более двухсот сорока лет. Длительное время вынашиваемая, но не реализованная Львом Сапегой идея славянского союза до сих пор не дает покоя политикам [66, с. 11].

В истории Беларуси трудно найти примеры такой долговечности государственных институтов, созданных умом и волей одного человека. Разве это может не вызывать восхищение?

Возможно, уже современниками Сапеги некоторые его поступки воспринимались как странности и причуды богатого пана. «У вас холоп холопом, а у меня – почтеннейший, сиятельный, ибо без холопа, наверное, и сам ясновельможным не буду», – любил Лев Сапега подчеркнуть свое отношение к простому мужику [71, с. 386]. Эту черту его характера восхваляли в своих произведениях не только цитируемый В. Чаропко, но и Я. Чечот, С. Морозова и другие авторы.

Вне всяких сомнений, Лев Сапега – личность значительная, вместе с тем очень противоречивая и одновременно загадочная, а потому одна из наиболее интересных в ряду политических лидеров средневековой Беларуси.

Публикации последнего времени оставляют открытыми множество вопросов и зачастую односторонне освещают жизнь и деятельность великого белоруса. Понятно, что Льву Сапеге, как и любому из смертных, были присущи человеческие качества не только со знаком «плюс»,

[1] 2 августа 1840 года российский император Николай I издал указ о прекращении действия Статута ВКЛ 1588 года на территории Виленской, Гродненской и Минской губерний.

но и со знаком «минус». Другое дело, и это, вроде, ни у кого не вызывает сомнений, что первых гораздо больше, чем вторых [40, с. 110]. Да, при удобном случае (и это зафиксировано в хрониках) Сапега мог присвоить то, что плохо лежит. Но в критических ситуациях, когда речь заходила о государственных интересах, он порой отдавал в сотни раз больше. Например, взвалив на себя (почти в семидесятилетнем возрасте) непосильную ношу – великое гетманство, во время войны ВКЛ со Швецией Лев Иванович содержал на собственные деньги целую армию. Подсчитано, что на эту войну он потратил большую часть своих средств – приблизительно семьдесят семь тысяч злотых и сорок тысяч флоринов (дукатов). Чтобы эти цифры не были слишком сухими, стоит наглядно проиллюстрировать размер пожертвований с его стороны. В то время, исходя из средних цен, на один злотый можно было приобрести одну с четвертью бочку виленскую пшеницы, или почти пятьсот восемь с половиной литров. Значит, семьдесят семь тысяч злотых стоило девяносто шесть тысяч двести пятьдесят бочек, или тридцать девять миллионов сто сорок четыре тысячи восемьсот семьдесят пять литров, пшеницы. Если считать, что даже при полной мобилизации в армии ВКЛ во время Шведской войны насчитывалось около двадцати трех тысяч человек и каждому солдату полагался один литр пшеницы в день, то, получается, на средства Льва Сапеги армия могла протянуть четыре с половиной года (разумеется, речь идет только о хлебе и воде).

По всему видно, жизненный принцип «коль влез в дугу, не говори „не могу“» имел для Сапеги гораздо больший вес, чем собственные меркантильные интересы.

Порою может сложиться впечатление, что Л. Сапега имел очень противоречивые взгляды на религию и за свою жизнь успел побывать поочередно и православным, и протестантом, и католиком [59, с. 120]. Но всему есть объяснение. Груз тяжких грехов, вероятно, все же лежал на его совести, ведь по долгу службы ему приходилось иногда выносить очень жестокие приговоры. Этого требовали закон, наместник бога на Земле – Папа Римский, а также патрон Л. Сапеги – король польский и великий князь литовский Сигизмунд III Ваза.

Однажды обретя власть, Сапега уже больше никогда с ней не расставался. Ступенька за ступенькой он упорно поднимался наверх и более пятидесяти лет отдал государственной службе. А в конце своей жизни обеспечил высшими должностями многих представителей своего рода. Завидная для политика энергия и стабильность!

Он первый и единственный среди белорусов при жизни получил почетное звание «Отец Отечества». И все же его совесть требовала покаяния, может, поэтому он основал двадцать четыре костела [71, с. 386]. Впрочем, другие авторы, гораздо более авторитетные (например, А. Киркор в очерке «Историческая судьба белорусского Полесья»), называют цифру более весомую – семьдесят (!) костелов [88, с. 306].

Спор о месте Льва Сапеги в истории был начат еще современниками ясновельможного пана. Но, если одни отмечали его выдающиеся способности и называли «отцом и спасителем Отечества», то другие проклинали, полагая, что за дела свои он должен гореть в аду [67, с. 203].

После его смерти оценки стали еще категоричнее. Причем не только на словах. Дважды российские вандалы осквернили его прах, а в 1655 году даже выбросили гроб на улицу [43, с. 2]. Так они отомстили Льву Сапеге за участие в событиях Смутного времени и разорение их страны. Не имея сил расправиться с ним живым, московиты позволили себе издеваться над мертвым. Однако, как это ни прискорбно, такая месть была в обычаях тех времен. Нечто похожее, например, сделали с бальзамированной мумией кардинала Ришелье во время французской революции. Подобная судьба ждала многих из тех, кто опередил свое время или при жизни был недоступен для своих недоброжелателей.

С конца 90-х годов XVII столетия, к великому сожалению, наша неординарная и весьма противоречивая, но вместе с тем богатая и интересная отечественная история свыше трех веков и вовсе не признавала Сапегу – одного из руководителей старинного белорусского госу-

дарства, реформатора и крупного общественного деятеля – как личность [43, с. 2]. И тому тоже есть свое логическое объяснение.

В это время языком межнациональных отношений в Речи Посполитой становится польский, конфедерация быстрыми темпами полонизируется и постепенно белорусско-литовское государство – ВКЛ – приходит в упадок. В XVIII столетии после трех разделов Речи Посполитой землями ВКЛ завладевает армия Российской империи. На протяжении почти ста пятидесяти лет, с 1696-го по 1840-й, перечеркивается все, что было достигнуто при участии Льва Сапеги. Белорусский язык утрачивает статус государственного. Приостанавливается деятельность высшего апелляционного суда – Литовского трибунала. Упраздняется церковная уния (с 1839 года униаты под давлением российского самодержавия переходят в православие). Великий князь ВКЛ и король польский Станислав Август Понятовский отрекается от трона, Великое княжество Литовское теряет независимость, его земли становятся губерниями Российской империи. В 1840 году указом императора Николая I приостанавливается действие Статута ВКЛ 1588 года, объявляется нежелательным применение в печати названий Литва и Беларусь.

Камня на камне не оставляют от наследия Льва Сапеги сначала господа поляки, а затем российское самодержавие. Они в равной степени прилагают максимум усилий, чтобы стереть память о защитнике белорусчины. И эти энергичные действия достигают своей цели.

Только в XX веке предпринимаются первые попытки вернуть имя Льва Сапеги в белорусскую историю.

М. Шкялёнок в 1933 году в статье «В трехсотлетнюю годовщину смерти великого канцлера Льва Сапеги» проводит глубокий анализ сделанного ясновельможным на ниве национального возрождения: «Деятельность Сапеги не спасла Великое княжество и белорусскую культуру от позднейшего упадка. Объясняется это теми очень большими противоречиями внутренней жизни Великого княжества, которые даже Сапеге, несмотря на достойные удивления усилия с его стороны, не удалось уничтожить. И все-таки эпоха Сапеги навсегда останется в истории белорусского народа и его культуры золотой порой, а мощная фигура великого канцлера будет ярким примером больших творческих устремлений, скрытых в белорусском народе» [76; 75, с. 291] (пер. наш – *Л. Д.*).

Такой взгляд на наследие Льва Сапеги возможен в государстве, которое придерживается демократических принципов «сапежинского» статута. Статья М. Шкялёнка печатается в столице свободной Литвы – Вильно, которую все больше отождествляют с Великим княжеством Литовским.

Надо сказать, что именно М. Шкялёнок, вольно или невольно, стал прародителем некоторых исторических мифов о Сапеге. В частности, главные достижения ясновельможного этот исследователь связал непосредственно с должностью великого канцлера. С его подачи большинство белорусских авторов будут соотносить личность Льва Сапеги как раз таки с этой должностью, считая ее наивысшей в государстве.

За время Советской власти в Беларуси имя Льва Сапеги упоминалось только в связи с принятием третьего Статута ВКЛ и Брестской унии. Однако вместо слов благодарности в адрес Сапеги сыпались обвинения. Белорусские историки и писатели вменяли ему в вину полное с его подачи порабощение крестьянства шляхтой и духовное притеснение римско-католической церковью.

Наиболее яркую оценку деятельности Сапеги через теорию классовой борьбы дал писатель М. Садкович: «Уже третий год разъезжали по деревням и городам воеводские тивуны, трубили в трубы, сгоняли народ посполитый на площади и с высокого места провозглашали королевскую милость. Новый Статут. Указом Сигизмунда Вазы, короля польского и великого князя литовского, в господскую неволю попали не только землепашцы, но и их дети, и дети детей. А кто сбежал от пана, хотя бы и через год находили, приводили к тому же господину, и он имел право наказать беглого как хотел, без суда и защитника. Не было времени ужаснее

и хуже. Крепостному „вотчиннику“ уже не хватало дней на неделе „исполнять барщину“. Ночь и ту отнимали у бедных страдальцев, принуждая нести службу и караульную, и пешую, и конную. Паны, магнаты доводили крестьянство до нищеты, но еще решили надеть узду и на души посполитых людей» [112, с. 398]. В общем, и Статут 1588 года, и Брестская уния расценивались как самое плохое, что было в истории белорусов. Но ждать другого взгляда и не стоило. Цитируемая книга впервые была издана в 1956 году. В то время, если кто-то и осмеливался на собственную точку зрения, которая не совпадала с линией коммунистической партии, за пределами собственной кухни вряд ли ее озвучивал.

Чуть позже, в 1973 году, небольшой, всего несколько строк, биографический материал о Сапеге был размещен в Белорусской советской энциклопедии: «…один из организаторов Литовского трибунала, под руководством которого закончено составление Статута Великого княжества Литовского 1588 года» [7] (пер. наш – *Л. Д.*). Иными словами, сторонник сильного правового государства, в котором «должны царить законы, а не личности». Текст этой заметки, конечно же, не выражал отношения белорусской науки к Сапеге, но вступал в явное противоречие с куда более категоричной информацией о фамилии в целом: «…были жестокими угнетателями белорусского, литовского и украинского народов». Неужели Лев Сапега являлся жестоким угнетателем? Наверное, версия автора статьи в энциклопедии 1973 года звучит не совсем убедительно, поэтому закономерными представляются вопросы, заданные А. Мясниковым: «А действительно ли были угнетатели? И кем, наконец, был самый знаменитый, талантливый и мужественный из Сапег – Лев?»

Более объективно осветить жизнь и деятельность ясновельможного пана попытался Владимир Короткевич [27, с. 232; 29, с. 122]. В его произведениях Л. Сапега стоит в одном ряду с лучшими сыновьями Беларуси – Константином Острожским и Николаем Радзивиллом Черным. По мнению Короткевича, они, скорее, исключение из правила, изъятие из множества свежеиспеченных повелителей, только что получивших настоящую власть. Они из тех, «которые столетиями свой род тащили» [27, с. 232]. По Короткевичу, эти властители – «настоящие, образованные, воспитанные люди, пусть себе и тоже со страстями», которые заслуживают быть примером для подражания.

Однако настоящее признание приходит к Сапеге только в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда Республика Беларусь провозгласила верховенство собственных законов и независимость. Вот тогда снова понадобился образ человека, «который держал флаг государственности». В целом, 90-е годы прошлого века своего рода второй «звездный час» Л. Сапеги.

В 1989 году переиздается Статут ВКЛ 1588 года с предисловиями Льва Сапеги.

Затем, в 1992 году, в академической серии «Наши знаменитые земляки» печатается книга И. Саверченко «Канцлер Вялікага княства. Леў Сапега», создается документальный фильм «Лев Сапега. Канцлер».

В 1995 году государственное предприятие «Белпочта» в серии «Выдающиеся личности Беларуси» издает марку с изображением Льва Сапеги тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. Кстати, из всех политиков за более чем тысячелетнюю историю нашего государства такой чести удостоились только пять человек: легендарный Рогволод, Николай Радзивилл Черный, наш герой, Петр Машеров и сегодняшний лидер [65, с. 8]. Популяризации имени Льва Сапеги немало способствует очерк А. Мясникова «Айцец Айчыны залатога веку», который перепечатывается трижды [43, с. 2].

В 1996 году из-под пера В. Чаропко выходит самая обстоятельная на сегодня биография Л. Сапеги.

Определенную роль в популяризации имени Сапеги сыграла и скандально известная композиция Виктора Шалкевича «Баллада о товарище Сапеге», которая была создана, по-видимому, после опубликования не менее скандальной статьи в «Свободе» [128].

Интерес к личности Л. Сапеги подогрел и первый Президент Республики Беларусь, объявив себя преемником политических идей Льва Сапеги. А через некоторое время, когда начали говорить об опасности присоединения маленькой Беларуси к громадной России, президент удивился и спросил: «А почему разговор не ведут о присоединении России к Беларуси?» Как раз в таком контексте ставил вопрос о союзе славянских народов Лев Сапега.

Как государственный деятель, Л. Сапега всегда отвечал требованиям времени. Профессионально он ни в чем не уступал своим европейским коллегам и современникам: кардиналу Ришелье, канцлеру Уильяму Сесилу, великому князю московскому Борису Годунову, а кое в чем даже превосходил их. Возможно, именно поэтому ряд историков и писателей намеренно идеализируют его образ. Об отрицательной стороне его деятельности эти исследователи или умалчивают, или говорят вскользь.

Например, И. Саверченко рисует образ, положительный во всех отношениях. Читатель видит героя, белорусского политика номер один, своеобразную икону, пример для подражания [52, с. 3 и 4]. Однако в этом образе, слишком правильном и потому схематичном, похожем на музейный экспонат, нет живого человека, тем более Сапеги – дипломата умного, хитрого, скрытного, способного на необычные дипломатические уловки. Очерк И. Саверченко более интересен подбором фактов, которые позволяют ему утверждать, что сделанные им выводы безошибочны, потому что базируются на имевших место в истории Беларуси великих событиях.

Писатель В. Чаропко, вдохновленный этими фактами, углубился в жизнеописание Льва Сапеги и сумел подать ясновельможного настоящим творцом истории. В книге «Уладары Вялікага Княства» Лев Сапега впервые в современной белорусской литературе предстает перед читателем во всем величии дипломата, который на отлично овладел своим ремеслом.

Однако ни Саверченко, ни Чаропко не рассматривают Льва Сапегу как организатора смуты в России. Вопреки фактам и здравому смыслу эти биографы пытаются защитить его от обвинений в деле о самозванцах, сокрушивших московский трон. Вероятно, они не хотят, чтобы ясновельможного считали агрессором, который развязал войну с Московией, и ставили в один ряд с Наполеоном Бонапартом (с разницей в двести лет). При этом не принимают во внимание, что Сапега превзошел именитого француза, и это подтвердит любая историческая карта, иллюстрирующая результаты войн начала XVII века.

С течением времени количество должно переходить в качество. Может, поэтому в 1996 году А. Мартинович озвучил призыв максимально точно следовать историческим фактам. При этом он заметил, что до недавнего времени о Л. Сапеге почти не говорили, а если и говорили, то не могли простить того, что он боролся с Московским государством. Писатель, приветствуя издание новых книг о Сапеге, выразил пожелание, чтобы «в этом нужном и своевременном возвращении не наблюдалось перехода из одной крайности в другую и не рисовался бы Л. Сапега только светлыми красками» [40, с. 110] (пер. наш – *Л. Д.*).

Этому исследователю не откажешь в здравомыслии. Глубже изучая жизнь и деятельность ясновельможного, соглашаешься: в нем есть чем восхищаться и есть что порицать. Самой положительной оценки заслуживает его государственный размах в борьбе за Великое княжество Литовское как независимое государство, желание защитить честь белоруса перед другими народами, попечение о национальной культуре (он собрал богатую библиотеку, построил множество храмов, опекал художников, издателей). Но ни в коем случае нельзя отрицать иного Сапегу. Того самого, который, казалось бы, следуя букве закона, подавлял любое выступление, по его мнению, угрожавшее безопасности Княжества; который жестоко расправлялся с бунтовщиками: четырем руководителям восстания 1606 – 1610 годов в Могилеве отрубили головы [28, с. 86 и 120], в ноябре 1623 года за убийство полоцкого и могилевского архиепископа Иосафата Кунцевича к смертной казни было приговорено девяносто четыре человека, правда, семидесяти четырем из них удалось сбежать [40, с. 111]. С одной стороны, Лев Сапега был

уверен, что даже самые жестокие приговоры будут одобрены не только королевской властью, но и святым костелом. А в дипломатической игре, которую он тогда затеял, такая поддержка была необходима. С другой, он понимал, что массовое убийство, пусть и согласно букве закона, не добавит ему популярности ни в народе, ни тем более в истории. Понимал это и В. Короткевич, когда в уста своему герою вкладывал слова: «За этот день на меня столетиями будут вешать всех собак» [29, с. 122] (пер. наш – *Л. Д.*). Но отказаться от наказания – бросить тень на церковную унию, дело, которому он отдал много сил и энергии. Наказание в Витебске, введение Брестской церковной унии и воинские походы в Московию – это те лакмусовые бумажки, которые дают основание одним произносить имя Сапеги с придыханием, а другим – с не меньшим энтузиазмом унижать его. Однако, как бы то ни было, над всеми устремлениями Сапеги преобладала забота о родине, попечение о ее будущем.

Раньше перед историками и писателями стояла задача вернуть это славное имя из исторического небытия, доказать, что в истории Беларуси Сапега должен занимать самое почетное место. Теперь же необходимо, наконец, расставить точки над «i» в спорных вопросах. Если не разгадать все загадки, связанные с его именем, то хотя бы дать исчерпывающие комментарии с точки зрения национальной исторической науки. Правда, здесь есть свои сложности.

К превеликому сожалению, основной источник информации о жизни и деятельности Л. Сапеги недоступен широкому кругу исследователей: на белорусском языке Метрика ВКЛ до сих пор полностью не напечатана, а привлечь издания на латинском, шведском и других языках зачастую не позволяет языковой барьер. Ведь ни для кого не секрет, что обычный для времен Сапеги уровень образования, который предусматривал знание двух-трех иностранных языков в качестве минимума, в наше время для большинства остается недосягаемым.

Многое из того, что представляет особый интерес для историков и писателей, находится в хранилищах ряда европейских стран, и поработать с этими раритетами может позволить себе не каждый. Но такие счастливцы есть. Например, переводчик В. Свежинский в одном из хранилищ Швеции обнаружил фолиант в четыреста страниц рукописного текста, содержащий краткий обзор истории покойного Леона Сапеги, виленского воеводы, гетмана Великого княжества Литовского, написанный в 1652 году, а также другие материалы, переиздание которых дало бы возможность наполнить подробностями жизнеописание ясновельможного пана [62, с. 66—68]. Немало интересующих нас источников хранится в Национальной библиотеке Франции. Их перечень привел в своей работе Игорь Ляльков [34, с. 29]. Энциклопедией рода Сапег, по сути, является польскоязычное издание «Дом Сапежинский» (1995), которое также стоило бы перевести на белорусский язык.

Конечно же, нельзя сбрасывать со счетов и работы белорусских исследователей. Неоднократно к жизни и взглядам нашего великого соотечественника обращался журнал «Спадчына» [54, с. 3—9]. В 1999 году в Бресте проводились первые «Сапежинские чтения», доклады, представленные на этом мероприятии, были изданы отдельной книгой [32].

Среди последних публикаций о Сапеге стоит упомянуть сборник «Славутыя імены Бацькаўшчыны». Биографию Льва Сапеги, подготовленную для этого сборника А. П. Грицкевичем [14], можно признать совершенной с точки зрения отсутствия исторических ляпсусов, однако она слишком коротка. Определенный интерес представляет и другая работа этого автора, содержащаяся в 6-м томе Энциклопедии истории Беларуси [18, с. 222].

Безусловно, Лев Сапега стал настоящим героем белорусской литературы. Только этого мало. Искушенный читатель настоятельно требует современных интерпретаций давно минувших событий. Имя Сапеги должно стать мифом[2]. Только в том случае, если каждый белорус-

[2] Слово «миф» согласно толковым словарям имеет несколько значений: 1) древнее народное сказание о легендарных героях, богах, явлениях природы; 2) недостоверный рассказ, выдумка (переносн.); 3) вымысел. В переводе с греческого миф – это не что иное, как слово. Поэтому, если следовать буквальному переводу, древнегреческие мифы можно назвать словом о богах или героях. Именно в этом значении слово «миф» использовано в нашем случае, поскольку абсолютное большинство

ский школьник будет знать как таблицу умножения основные факты из жизни этого и других крупных деятелей белорусского прошлого, если мы сумеем приучить наших граждан к местным мифам, которые будут работать на нужды белорусчины и с успехом смогут противостоять мифам иностранного происхождения, усилия построить независимое государство приведут к высокому результату.

Именно по этой причине и сделана попытка написать политическую биографию Льва Сапеги (так как библиотека белорусской политической биографии на сегодня, к сожалению, отчаянно мала). Общеизвестные факты жизни и деятельности ясновельможного представлены в ней в виде мифов.

Очень хочется надеяться, что, несмотря на все имеющиеся недочеты, значительное количество заимствований, возможные расхождения во взглядах по некоторым спорным вопросам, эта книга найдет своего читателя и хотя бы немного приподнимет завесу тайны над одной из крупнейших личностей белорусской истории.

фактов из жизни Л. Сапеги взято из опубликованных источников и исторической литературы.

Часть 1. Тяжелый путь в гору

Глава 1.1. Лев герба «Лис»

Когда рычит лев – рождается правитель
Пословица

Практически никаких подробностей о рождении Льва Сапеги не известно. Сомнение вызывает даже точная дата его появления на свет. Одни историки называют 2 апреля [71, с. 330], другие, коих значительно больше, – 4-е [18, с. 222; 38; 52, с. 7]. Правда, ни одна из точек зрения не подкрепляется аргументами. Автор, к слову, придерживается последней версии как наиболее распространенной. Неизвестно и точное наименование места его рождения. Например, М. Шкялёнок называет малой родиной Льва Сапеги усадебный двор Островок [75, с. 257]. Однако большинство исследователей сходятся на том, что это все же замок (усадьба) Островно [52, с. 7; 71, с. 330]. Справедливости ради стоит сказать, что на тот момент это событие было слишком незначительным и заурядным, ничего не предвещавшим, подобным десяткам тысяч других, и интереса у летописцев не пробудило. Посему автор в этой главе, опираясь в общих чертах на исторические факты, позволил себе в какой-то мере пофантазировать в отношении того, что исторической важности не имеет.

Итак, шел 1556 год. Стояла изнурительная жара. Воздух был тяжелый и раскаленный. Даже ночью в покоях замка Островно не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Богдана, по прозванию Конопля, из рода князей Друцких-Соколинских, осторожно ворочалась с боку на бок и тихонько вздыхала: ей никак не удавалось заснуть. Под утро посвежело: собрались тучи, вокруг загромыхало, повсюду небо озаряли всполохи молний. После короткого, но сильного дождя сон все же сморил ее. Однако спала она тревожно и прерывисто. Не шла у нее из головы вчерашняя встреча с мужем. Какой он все еще молодой, статный и пригожий! Ей двадцать пять, ему на десять лет больше. Она долго его ждала, и он оправдывал ее надежды, был удивительно ласковый и нежный с ней. Они провели вместе несколько часов, но эти часы пролетели как одно мгновение. Влюбленным всегда не хватает времени! Кажется, она готова быть с ним всегда и везде, скакать рядом в седле, заниматься государственными делами, лишь бы вместе. Жена видела: Иван Сапега очень старается ей угодить, – но сердцем чувствовала какую-то тревогу, и муж подтвердил ее опасения. На восточной границе государства было неспокойно. Ходили слухи, якобы вот-вот начнется война. Правитель московского княжества Иоанн IV, по прозвищу Грозный, собирает силы и не перестает строить козни. «И укроют ли тебя родительские стены, если вдруг московиты совершат нападение, ласковая моя?» – об этом были мысли Ивана Сапеги. Восточная граница Великого княжества слишком близко. А замок в Островно хоть и выглядит внушительно, но построен из дуба. Да и стены замковых укреплений, пусть высокие, обмазанные глиной, которая защищает не только от гниения, но и от огня, увы, не служат порукой неприступности.

Богдане очень не хотелось расставаться с любимым мужем. Однако ему нужно было присутствовать при великокняжеском дворе в Вильно.

Проснулась она поздно. Ивана рядом уже не было. Он не стал ее будить, поцеловал во сне и тихо покинул замок. Рано подниматься с кровати у княжны не было желания. Всему виною тревожная ночь. К тому же Богдану взволновал приснившийся сон. Вероятно, ее очень впечатлили слова мужа о возможной войне. Сон был необычным и таинственным. Ничего подобного она не могла припомнить. Не зная, что он означает и как его истолковать, Богдана позвала в замок старуху-знахарку. Попросив ее держать в тайне их разговор, княжна рассказала свой

сон: «Померещилось мне, что беременна я, но ношу во чреве своем не человека, а зверя хищного – льва». Старая ведунья, кажется, вовсе не удивилась: «Ай, матушка моя! Звездочка ясненькая! Из-за этого ты всполошилась? Не тревожься! Все будет хорошохонько! Сказывала мне еще бабка моя, что такое во сне видывали и прежде. И если зверь крепкий – это благо, достойным мужем будет твой сын. Только пока никому не открывайся. Сперва уверься, что зачала, а после и поведаешь». Богдана согласилась, и только задумчиво сказала: «Но все-таки расспроси старух подробнее, чудно это как-то…»

Сапеги издавна породнились с княжеским домом Друцких-Соколинских. Еще бабка Богданы, Федора Федоровна Друцкая-Соколинская, вышла замуж за Богдана Сапегу и принесла ему в приданое имение Островно. На этих землях уже их сын, воевода витебский Иван Богданович Сапега, в первой четверти XVI века основал замок. Не сказать, чтобы замок Островно мог соперничать с Новогрудским, Лидским или Мирским. Но большие реки всегда начинаются с малого ручья. К строительству Ивана Богдановича подтолкнуло основание частновладельческого замка в Мире. Дед Л. Сапеги понимал, что построить подобный былому столичному (Новогрудскому) замок он не сможет: такое строительство требует больших затрат. Но вот подобный Мирскому ему очень хотелось иметь. Пусть не большой, не государственного значения, зато свой, собственный. Он решил для себя, что нечто похожее на замок Юрия Ильинича возведет на землях, доставшихся в наследство от матери. Этот замок должен будет стать еще одним родовым гнездом Сапег. Здесь будут рождаться наследники, найдут упокоение предки. Изначально замок построили деревянным. Со временем планировалось стены и башни заменить на каменные. После смерти отца усадьба Островно перешла его сыну Ивану Ивановичу Сапеге, мужу Богданы.

Какое имя – такая и жизнь. Эту старую добрую истину наши предки знали хорошо. Поэтому Иван Иванович Сапега, в разное время занимавший должности подстаросты оршанского и старосты дрогичинского, как только заметил, что живот жены начал округляться, решил – надо позаботиться о наречении будущего младенца. Для него это было чрезвычайно важно, и любимая жена Богдана имела такой же взгляд. Они должны подойти к делу основательно и взвешенно. Ошибиться тут никак нельзя. У их потомка должна быть более счастливая судьба. Чтобы он всегда вспоминал родителей добрым словом. Чтобы стал влиятельным лицом в государстве. Чтобы имел достаток и жил лучше, чем пришлось им самим. Чтобы никто и никогда вместо уважительного пане Иван не бросал ему уничижительное Ивашка. Недаром думал об этом Иван Сапега. Вспомнился ему рассказ дядьки по отцовской линии, как тот правил посольство в Московию и услыхал это унизительное обращение к себе из уст Ивана III Московского.

Произошло же вот что. Когда зачитывали письмо королевы польской и великой княгини литовской Елены к отцу Ивану III[3], тот пришел в ярость: в письме не упоминался царский титул. Надо сказать, что официально титула царя, а тем более императора (цезаря) Иван III не имел. Но слушать письмо далее не стал, резко прервав чтение. Ясно дело, дочь позволить себе такое неуважение к отцу не могла. И он ничтоже сумняшеся обвинил не только короля польского и великого князя литовского Александра, но и писаря королевы Ивана Семеновича Сапегу в том, что литвины написали так с умыслом, дабы жестоко унизить хозяина Московии: «Почему написала в титуле только великий князь?» Принципиальный ответ Сапеги на этот вопрос московского государя способен был перечеркнуть дальнейшие переговоры и подтолкнуть стороны к войне.

Спорить с Иваном III – только подливать масла в огонь. Невозможно было доказать ему, что, с точки зрения Запада, его попытка объявить самого себя царем просто дикость.

[3] Дочь Ивана III в свое время вышла замуж за великого князя литовского Александра, сына короля Казимира IV, внука Ягайлы, который затем стал также королем польским.

Видите ли, он грезит себя потомком цезарей. Конечно, у него богатое воображение и большие амбиции. Он уже давно ни с кем не считается. Что еще хуже, взял за привычку поучать правителей соседних государств, а чуть что не так – сразу угрожать. Иметь такого соседа – о спокойной жизни забыть, всегда приходится ждать подвоха со стороны мошенника с шапкой Мономаха на голове. Ни для кого не секрет, что куда больше, чем спокойствие и мирная жизнь подданных обоих государств, Ивана III Васильевича волновало признание за ним титула государя всея Руси и строительство для его дочери Елены православной церкви. Понятно, что король польский и великий князь литовский Александр не мог согласиться на признание титула Ивана III, ведь под его королевской и великокняжеской властью была большая часть Руси, и Полоцк, и Киев. И с какой стати, он, великий князь литовский и король польский, должен давать Ивану III правовые основания для расширения влияния. Ивану Семеновичу Сапеге очень хотелось дать незамедлительный отпор излишним требованиям и необоснованным заявлениям Ивана III. Однако немал риск – дразнить восточного деспота. Отношения между государствами и так слишком напряженные.

В жизни Сапеги случались разные ситуации. Но он всегда выходил из них достойно, оставаясь верным своему долгу. Одинаково уверенно и добросовестно он исполнял посольства что до великого князя Ивана III Московского, что к римскому первосвященнику Александру VI (Родриго Борджиа).

Как человек, приобщенный к западной культуре, Иван Сапега предпочитал вести себя подобающе. Для него важным было сохранить в неприкосновенности собственную честь и достоинство. Вот и теперь, вдруг услышав пустые обвинения из уст Ивана III, Сапега решил ответить словами одного мудрого флорентийца.

«Господину нужно знать, – говорил писарь королевы Елены Московской ее отцу, – что с врагом возможно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю». От неожиданности у Ивана III перехватило дыхание. Как так? Приехал к нему какой-то даже не князь, а так себе писарь, какой-то Ивашка Сапега и позволяет себе невесть что, фактически пытается попрать достоинство царя и великого князя в его собственном доме! Это нельзя оставлять безнаказанным! Иван III еле сдерживал гнев, он было подумал действовать незамедлительно, даже с трона привстал. Однако силой воли сдержался, сел обратно и продолжил слушать с нарочитым вниманием. Как только посол Великого княжества Литовского остановился и перевел взгляд на царя, тот, не скрывая гнева, громогласно и устрашающе произнес: «А ты кто такой будешь? И откуда ты взялся? И кто твой отец, позволь спросить? Которыми землями повелеваешь? Чтобы разговаривать со мной на равных?» Этот тон не напугал, а разве что раззадорил посла. Понимая, что камень брошен в его сторону, Иван Сапега не остался в долгу. Его ответ прозвучал достойно, даже несколько возвышенно: «Великий князь упрекает меня безродностью? Согласен: пусть мой род не столь знатный, но не мною он начинается и, надеюсь, не мною закончится. И одному только Богу известно, чей род угаснет ранее». Это был запрещенный ход. Опытный литвин позволил себе недвусмысленный намек на весьма запутанные семейные дела Ивана III. Удар пришелся ниже пояса.

Ярость овладела Иваном, государем Московской Руси. Мало того, что подсунули его дочери в писари униата-безбожника, отступника от православной веры, так он еще вздумал уму-разуму учить защитника православия в его собственном доме?! Сапега не помнил, как и чем закончилась эта официальная аудиенция у хозяина Московии. Но если бы не снисходительность Ивана III, шалость литвина могла бы стоить ему жизни. Однако время бряцания оружием и состязания в острословии подошло к концу, через некоторое время, после долгих увещаний, Иван III успокоился. Состоялась вторая встреча. При переговорах с глазу на глаз Сапега передал хозяину Московской Руси устное послание его дочери Елены. Заботясь о судьбе своей государыни, он подсказал, как возможно дипломатическими средствами укрепить правовое

положение Елены на случай смерти Александра. Во-первых, уже сейчас, при жизни великого князя литовского, нужно утвердить и скрепить подписями и печатями архиепископа краковского и епископа виленского королевскую грамоту, которая давала бы Елене свободу на исповедание православной веры. Во-вторых, не откладывая, ввиду преклонных лет королевы-матери, должно подумать о передаче городов, которые обычно обеспечивали материальное благополучие королев, от нее к Елене. Дельные советы были оценены. Но, даже отпуская Ивана Сапегу домой, московский властитель не смог не зацепить его на людях. Он отправил посла с такими словами: «Ивашка! Привез ты к нам грамоту от дочери нашей, да словами нам от нее говорил, но в грамоте иное, не дело написано, и непригоже ей было о том к нам писать» [122, с. 120]. В этом «Ивашке» был весь смысл восточной деспотии как ее понимал грозный повелитель Московии.

С тех пор прошло много лет, а рассказ этот племянник Ивана Семеновича Сапеги помнил. И хотя отец его, Иван Богданович Сапега, гордился своим именем и даже сына так назвал, он, Иван Иванович, грезил о лучшем будущем для своего наследника, который вот-вот должен был прийти в этот чудный мир, только что пробудившийся от зимнего сна.

Солнце, свет и тепло уже спорили за первенство. Начало апреля 1557 года было отмечено потеплением, которого жаждало все живое. Несмотря на поздний час, пан Иван Иванович Сапега не ложился. И тому была серьезная причина. Повитуха сказала ему, что по срокам это должно произойти сегодня. Поэтому в ожидании важной новости он читал «Государя». Распахнув книгу Макиавелли, Сапега вспомнил тот судьбоносный спор двоюродного брата своего отца с Иваном III. «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лису. Лев боится капканов, а лис – волков, следовательно, надо быть подобным лису, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков» [98, с. 94]. Еще раз перечитав эту мысль Макиавелли, Сапега уверовал: «Пусть будет так! Пусть будет первый лев среди лис! Сочетание необычное, но что с того? Имя громкое, пусть и судьба будет такой же». Так за размышлениями Иван Иванович и уснул. Только под утро его разбудил громкий крик. Наконец-то свершилось! 4 апреля 1557 года Богдана родила ему сына. Замок Островно, где произошло это событие, давно ждал появления на свет Божий маленького хозяина. Так же и Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское, средневековое белорусское государство, раскинувшееся от Балтийского до Черного моря, ждало новых героев…

Одно из самых больших государств Европы с центром в Новогрудке, появившееся в середине XIII века, наибольшего подъема достигло во времена правления Витовта Великого. В 1410 году его войска вместе с поляками разбили под Грюнвальдом крестоносцев. Но опасность представлял восточный сосед – Московия, да и братья-союзники, поляки, то и дело пытались прибрать к рукам часть белорусско-литовских земель, крымский хан время от времени совершал набеги на территорию ВКЛ. Государство нуждалось в талантливых военачальниках и тонких дипломатах, ибо угроза исходила со всех сторон…

После родов Богдане поднесли чашу крепкого напитка с бобровой струей. Она настолько обессилела, что почти сразу уснула. Это были ее первые роды, тяжелые для любой женщины. С рождением мальчика у Ивана Сапеги появился не только первенец, наследник, но продолжатель рода. Отец тому был несказанно рад, Богдана же знала: по старым поверьям, коли рождается больше парней – быть войне. Но сейчас не это главное.

Приметы обещали младенцу долгую жизнь. Если дитя родилось от полуночи до полудня, значит, будет удачное. У ребенка на голове много волос – будет расти. Последнее обстоятельство пана Ивана Сапегу радовало вдвойне: шевелюра сына напоминала ему львиную гриву. Он посчитал, что это знак свыше. Имя напрашивалось само собой. Ну и пускай раньше в роду были в основном Иваны и Богданы, Павлы и Семены. Пускай это имя больше подходит византийским императорам и римским первосвященникам. Что с того? Отступив от традиции, Иван Сапега решил: пусть и на землях Княжества будет хоть один Лев. Лев герба «Лис».

Глава 1.2. Малоизвестное детство: Островно, Несвиж, Лейпциг

Жизнь маленького Левчика в возрасте до шести лет – наиболее таинственная страница для автора этой работы. Кстати, ни один из белорусскоязычных биографов Л. Сапеги не рассказал об этом времени ничего определенного. По всей видимости, особо значимых событий в семье пана подстаросты оршанского в эту пору не происходило. Поэтому, к примеру, И. Саверченко и В. Чаропко сосредоточивают свое внимание на родословной будущего великого канцлера и великого гетмана. Где же еще искать истоки мощи Льва Сапеги, как не среди его предков?

Свое начало Сапеги ведут от самого «родоначальника князей литовских» – Витеня [71, с. 347]. Однако большинство историков не разделяют претензий Сапег на кровное родство с Гедиминовичами. Знатная родословная – это, скорее, дань существовавшей в более поздние времена моде повышать сановитость своего рода [71, с. 348]. Тем не менее реальность личности Сунигайлы, прямыми потомками которого якобы являются Сапеги, у исследователей не вызывает сомнений, так как его подпись стоит под актом Городельской унии. Князь Сунигайло при крещении получил второе имя Симон (Семен). Потому было бы вполне естественным, если б его потомки исповедовали католичество, но в случае с Сапегами этого не наблюдается. Все они, вплоть до Льва Сапеги, были крещены в православии. Об этом свидетельствуют и их имена: Семен, Иван, Богдан, Глеб. Более того, в качестве доказательства, что Сапеги не являлись наследниками Сунигайлы, историки приводят и такой факт: он вообще не имел детей. Может, потому Сапеги не носили вплоть до XVIII века княжеский титул, как, впрочем, и другие впоследствии прославленные фамилии.

По мнению некоторых исследователей, старая кривицко-дриговичская шляхта ВКЛ была почти полностью уничтожена в многочисленных войнах, которые вел Витовт Великий. Поэтому место выбитой на реке Ворксле и под Грюнвальдом кривицко-дриговичской знати заняли литвины: Витовт не мог долго держать земли без хозяев.

По первому Городельскому привилею 1413 года сорок семь польских магнатов наделили гербами сорок семь бояр-католиков ВКЛ. Как пишут историки, гербы знаменитых польских родов получали литвинские бояре, дети боярские и едва ли не случайные лица из свиты Витовта, не имевшие высокого происхождения. Надо сказать, с тем, что невысокого происхождения, согласиться можно, а вот с тем, что случайные, – не совсем… Именно после этого передела власти и вышли на историческую сцену Радзивиллы, Кишки, Скирмунты, Сапеги, Пацы и др. Гербы в Городельском замке получали эти еще малоизвестные, а позднее ставшие великими шляхетские кланы [61, с. 1]. Как раз во время Городельской унии был наделен гербом и Сунигайло.

По мнению доктора исторических наук А. Грицкевича, ссылающегося на польскоязычное издание «Дом Сапежинский» (1995), Сапеги происходили из полоцких бояр, имевших имения в Смоленском, Полоцком и Минском воеводствах [15, с. 2]. А. Мясников утверждает: в документах ВКЛ, прежде всего в его Метрике, зафиксировано, что истоки рода будущего канцлера – на Смоленщине, которая на протяжении многих столетий являлась не только этнографической единицей белорусской земли [42, с. 3], но и частью белорусско-литовского государства. С этим нельзя не согласиться. Уж очень самоотверженно сражался за Смоленский край Лев Сапега в 1609—1618 годах. Так бьются только за свое, за наследство.

Первый из Сапег, кто был запечатлен на скрижалях истории, – великокняжеский писарь Семен [8, с. 646]. Именно он положил начало своего рода династии дипломатов и писарей. Но не только писарское дело хорошо удавалось Сапегам. Они были сильны и в дипломатической службе. Уже упоминаемый двоюродный дед Льва Сапеги Иван Семенович был писарем

(канцлером) Елены Ивановны, жены великого князя Александра, родной дед Иван Богданович – воеводой витебским, а после – воеводой подляшским. Его сын Иван, отец Льва Сапеги, тоже начинал службу в великокняжеской канцелярии, получил в управление староство Дрогичинское.

Таким образом, Левчик родился в семье, представители которой время от времени входили в узкий круг панов-рады (правительства ВКЛ). Безусловная заслуга его предков в том, что они сумели приблизиться к великокняжескому престолу и даже попытались закрепиться у него. Но достичь большего они не смогли: в это время почти все высшие должности на просторах ВКЛ удерживали в своих руках представители рода Радзивиллов – двоюродные братья Николай Радзивилл Черный и его тезка Николай Радзивилл Рыжий. Они радели о полной самостоятельности ВКЛ – без всяких союзов, личных и государственных уний. Достаточно сказать, что Николай Радзивилл Рыжий, занимая должности воеводы виленского и канцлера великого литовского, фактически являлся первым должностным лицом ВКЛ. Он принципиально не поехал на Люблинский сейм и не подписал акт унии 1569 года. Рост влияния Радзивиллов на государственные дела был обусловлен в том числе и родственными связями с великокняжеским и королевскими домами. В 1547 году Барбара Радзивилл стала женой великого князя литовского Сигизмунда Августа.

Поэтому тот, кто хотел служить родине, в первую очередь должен был служить Радзивилам. И Сапеги тому не исключение. Они прислушивались к мнению своих патронов, согласовывали с ними все сколь-нибудь значимые шаги.

Маленького Левчика с детства начали готовить к военной службе. Спустя время ему придется продолжать семейное дело. Только решать он будет более сложные вопросы.

Левчик, как и все мальчишки, с большим интересом относился к жизни своих предков. Его глаза загорались восторгом и гордостью, когда слышал он о славных делах прошлых лет. Умный и внимательный Иван Сапега понимал: девушки есть девушки, а парней надо учить. Особенно если есть у них к этому способности и устремления. У старшего из сыновей они были, более того, обнаружились еще в детстве. Сапеги были воспитаны на просветительских гуманистических идеях и главный родительский долг видели в том, чтобы дать своим детям… хорошее образование. По этой причине родители приняли решение отдать сына в несвижскую протестантскую школу – к великому магнату Николаю Радзивиллу Черному [43, с. 2]. Подобный шаг требовал определенного мужества, ведь Сапеги испокон веков исповедовали православие. Но лишенные религиозного фанатизма, они без колебаний направили свое чадо обучаться к протестантам, не опасаясь всякой «ереси».

Впрочем, другая и, возможно, гораздо более существенная причина такой скорой отправки Льва Сапеги на обучение в несвижскую школу – военные действия восточного соседа. Шла война за Инфлянты (Прибалтику). В начале 1562 года воеводы Ивана Грозного напали на Дубровно, Копысь, Шклов, Оршу, Витебск. О походе царского воеводы Андрея Курбского на Витебщину записано в московской летописи: «Острог взяли и пожгли, и посады у города Витебска все пожгли, и наряд в остроге поймали, и людей в остроге многих побили, и села и деревни вокруг Витебска сожгли, и повоевали места многие» [56, с. 62] (пер. наш – *Л. Д.*). Наверное, такая же судьба постигла и замок в Островно, который находился примерно в двадцати пяти километрах от Витебска. Во всяком случае, на карте, изданной Т. Маковским в 1613 году, его изображения нет.

Радзивиловская школа в то время была одним из лучших учебных заведений на территории нынешней Беларуси [52, с. 8]. Несвиж, куда привезли Левочку, еще не именовали маленьким Парижем, которым он станет при Николае Радзивилле Сиротке. Но уже возвышался деревянный замок, работала типография, где местные уроженцы Сымон Будный, Лаврентий Крышковский и Матвей Кавячинский в 1562 году издали на старобелорусском «Катехизис», который использовался как учебник в начальных протестантских школах. Как раз «Катехи-

зис» 1562 года и был первой книгой, по которой Лев Сапега учился читать на родном языке, из нее он черпал начальные знания о вселенной и о Боге [52]. Кстати, именно здесь, в Несвиже, в 1563 году была подготовлена к печати знаменитая Брестская Библия. Несвижский кружок гуманистов, среди которых воспитывался Л. Сапега, очень сильно повлиял на становление его личности. Увлеченность гуманистов наукой, их культура, эрудиция – все это оставило неизгладимый след в сознании юноши. Эти ученые, поэты, художники владели едва ли не всеми европейскими языками. Они создали при дворе Радзивиллов настоящий культ филологии, преданным сторонником которого стал и Лев [52].

Этот выпуск радзивилловской школы был одним из лучших за все времена ее существования. Наиболее способными из учеников были сыновья Радзивилла Черного – Станислав и Юрий, а также Лев Сапега. Станислав в более зрелом возрасте знал двенадцать языков, что являлось предметом гордости его отца и зависти Льва, который был на два года моложе Станислава. Юрий тоже показывал большие успехи в учебе. Позднее он сделал головокружительную карьеру: стал епископом виленским, а потом занял пост архиепископа краковского, получил должность кардинала.

Николай Радзивилл Черный не упускал случая, чтобы усилить соперничество между своими сыновьями и Сапегой. В соревновании они набирались ума и приобретали необходимый опыт.

Юному дарованию удалось снискать личное расположение Николая Радзивилла Черного. Некоторое время, как пишут осведомленные историки, он считался лучшим другом младших братьев Николая Радзивилла Сиротки [101, с. 90]. Почти ровесники, они вместе росли, дружили, ссорились, мирились. Иногда между ними случались настоящие поединки. Радзивиллов двое – Сапега один. А у тех, кто в большинстве, порой возникает желание обидеть тех, кто в меньшинстве. Однажды, в одной из стычек, чувствуя, что поражение близко, Сапега, чтобы не потерять равновесие, сильно схватил зубами руку противника и чуть не насквозь прокусил ее. Старший Радзивилл вынужден был остановить дерущихся. Он крикнул: «Сапега! Ты борешься по-бабьи». «Да нет, – ответил тот с ухмылкой. – Я сражаюсь как лев, а если не могу как лев, тогда сражаюсь, как могу». Этот несколько комичный эпизод ярко характеризует юношу. Внимательно наблюдавший за этой сценой Николай Радзивилл Черный попытался прекратить спор. «Эй, господа рыцари, успокойтесь, – крикнул он, стоя на балконе. – Ишь какой упрямый: сопит, пыхтит, с трудом дышит, но держится, поражения не признает, да и не уступает, видимо, не зря дали вам эту фамилию – **Сапе**-ги». Похоже, и вправду эта фамилия происходит от глагола «сопеть» [109, с. 114]. Поздно вечером, перед сном, он снова вспомнил этот момент. Улыбка удовлетворения не сходила с его лица. «Надо будет каким-то образом поощрить Левчика, – подумал Николай Радзивилл Черный. – Он настоящий потомок рода Сапег, достойный своего двоюродного деда – талантливого дипломата, честно работавшего на благо Отечества и раскрывшего заговор, который готовил Михаил Глинский против великого князя литовского и короля польского Сигизмунда Старого. Хорошая смена подрастает. Придется моим сыновьям держать ухо востро с этим львенком. Ишь какой зубастый попался. Ни в чем не хочет уступать Радзивиллам. Уже сейчас старается насквозь прокусить руки. А что будет дальше? Подрастет – начнет отвоевывать и должности, и имения. Без сомнения, начнет, если только мы допустим его до настоящей власти…»

Но не только упрямство отличало Льва. Много времени юноша проводил в радзивилловской библиотеке, в которой было собрано немало древних рукописей и европейских книжных изданий… Мальчик стремительно накапливал знания. Уникальная, даже на сегодня, методика преподавания в школе, ежедневное общение с высокообразованными людьми способствовали невероятно быстрому изучению языков. Уже в юности Л. Сапега, кроме родного, овладел польским, немецким, латинским и греческим. Врожденные способности Л. Сапеги и его увлеченность науками обнаружились очень рано. Быстрому умственному развитию юноши чрез-

вычайно способствовала атмосфера духовности, царившая в доме Радзивиллов. Многое он черпал из творческих вечеров и научных диспутов, которые проходили в радзивилловском замке едва ли не каждую неделю. Для Льва они стали отличной школой в овладении искусством полемики, своеобразным жизненным ориентиром и образцом человеческих взаимоотношений [52, с. 9]. Окончив курс Несвижской протестантской школы, юноша был полностью готов к обучению в университете. Однако Николай Радзивилл Черный не смог выполнить свое обещание, данное им вскоре после знаменитой драки между Сапегой и его сыновьями: в 1565 году он умер.

Но что должно было случиться, то случилось. Едва минуло Льву тринадцать лет, как его вместе с сыновьями Николая Радзивилла Черного направили за счет великокняжеского двора на обучение в знаменитый Лейпцигский университет. Точная дата поездки в Германию неизвестна, но приблизительно это произошло где-то на рубеже 1569—1570 годов. Это были очень сложные годы для ВКЛ. Шла Полоцкая война с Иваном Грозным, была подписана позорная Люблинская уния, согласно которой ВКЛ понесло значительные территориальные потери. К Польскому королевству отошли не только украинские просторы, но и Подляшье – исконная земля ВКЛ…

Находясь в Германии, Сапега несколько лет изучает историю римского и церковного права, анализирует произведения античных философов, прежде всего Платона и Аристотеля, внимательно прочитывает хроники средневековых историков, трактаты теологов-схоластов, знакомится с произведениями искусства ренессанса, наслаждается гравюрами А. Дюрера, наконец, увлекается идеями Лютера, Кальвина, Цвингли [52]. Там, в протестантской Германии, совсем молодым Сапега, как свидетельствует его завещание, принимает протестантство.

Некоторые биографы Льва Сапеги считают, что почва для его перехода из православия в протестантство была подготовлена еще в период обучения в Несвиже. Именно тогда, как считает А. Мясников, Лев Сапега не только познакомился с реформаторскими вероучениями, но и сменил веру. По словам исследователя, в атмосфере религиозных новинок юный Лев вскоре оставил старую религию своего рода и принял кальвинизм, а толерантность, царившая при дворе магната, заложила в его душу глубокие основы религиозной вольности и не позволила ему стать фанатиком новой веры, что случалось в то время с очень и очень многими [43, с. 2].

Надо сказать, Лев Сапега был не первым в своем роду, кто решился на такой шаг. Нечто подобное совершил упоминавшийся ранее двоюродный дед Льва Иван Семенович, тот самый, что бесстрашно вступил в спор с Иваном III Московским и правил посольства в Рим и Флоренцию. Будучи православным, он принял унию.

Навряд ли решение изменить вероисповедание было принято Львом Сапегой под давлением. Николай Радзивилл Черный – человек умный и хитрый – не стал бы так прямолинейно и грубо умножать приверженцев новой веры. А вот повлиять на молодого Сапегу личным примером и примером своих сыновей мог. Что, собственно, и сделал, воспользовавшись дружескими отношениями молодых людей. Как-то на Святую Пасху то ли Юрий, то ли Станислав спросил у Льва: «А что не было тебя вместе с нами на праздничном богослужении? Если уж ты связал свою судьбу с нашей, то должен везде и всегда быть рядом с Радзивиллами». Конечно же юный Лев рассказал об этом отцу. Смысл этой фразы для старшего Сапеги был очевиден. Радзивилл Черный недвусмысленно намекал: если родитель хочет, чтобы его сын получил протекцию могущественного клана Радзивиллов и университетское образование, он должен позволить Льву перейти в кальвинизм, тем более что учиться предстояло в протестантской Германии. «Готовься к переходу в кальвинизм, но, кажется, это лишь начало, только первый шаг. Сколько их еще будет на твоем пути? Но ты должен знать: в политике надо быть гибким. Если твой друг или враг сильнее тебя, его нужно крепче обнимать, чтобы были заняты его

руки, а не сражаться с ним. С сегодняшнего дня можешь считать себя маленьким человеком в большой политике», – это были напутственные слова отца взрослеющему сыну.

Отличавшийся хватким умом юноша усваивал и подобные уроки. Значительно позже, упоминая о юношеском восхищении реформаторскими учениями, Лев Сапега стыдливо скажет: «Поддавался я тогда различным искушениям и был глуп, как овца, особенно когда учился в немецких еретических школах» [52] (пер. наш – *Л. Д.*). Но Лейпцигский университет дал ему очень многое, и это многое он блестяще использует в жизни.

Глава 1.3. «Изгнание» из страны и дебют на подмостках истории

В начале 70-х годов XVI столетия Речь Посполитая переживала тяжелые времена. Король польский и великий князь литовский Сигизмунд II Август умер 7 июля 1572 года. Всю власть в ВКЛ прибрал к рукам Николай Радзивилл Рыжий. Он приходился родным братом Барбаре Радзивилл, жене короля Сигизмунда Августа. От короля Николай Радзивилл Рыжий получил полномочия наместника в ВКЛ. Территория Великого княжества была частично захвачена войсками Ивана Грозного. Отсутствие прямого преемника почившего монарха привело к обострению борьбы за трон между магнатами польскими и литовскими (литвинскими). Избрание французского принца Генриха Валуа на трон не воспринималось всерьез, к тому же он быстро сбежал обратно во Францию. Только после избрания в 1576 году королем польским и великим князем литовским Стефана Батория жизнь стала входить в нормальное русло.

Молодой Сапега вернулся на родину где-то в конце 1572-го или в самом начале 1573 года [135, с. 84]. Но не слишком радушно она его встретила. Места на государственной службе молодому и способному парню не нашлось. Он был зачислен писарем в городскую канцелярию г. Орши. А вскоре стал наместником старосты оршанского – Филона Кмиты-Чернобыльского. Конечно же не об этом мечтал честолюбивый Лев. Он хотел служить первым лицам государства, а этих самых лиц как раз таки и не было. Похоже, жизнь снова вынуждала его становиться на колени и просить о содействии своих благодетелей – Радзивиллов.

Молодой Сапега сильно переживал по поводу, как ему казалось, своей ненужности. В письме сыну Николая Радзивилла Рыжего, Криштофу Радзивиллу Перуну, он пишет: «А я, бедняга, еще не знаю, где сесть, и уже думал в монастырь вступить, потому что никого за меня нет на свете. До сих пор не умел быть подлизой, а учиться уже поздно» [71, с. 352] (пер. наш – *Л. Д.*). Заметьте, пишет это восемнадцатилетний парень. Как видно, не такими уж сильными были позиции Сапег в Княжестве. Распределение всех сколь-нибудь значимых постов в ВКЛ держали в своих руках Радзивиллы, поэтому именно им и адресовал письмо Сапега. Но оно, скорее всего, осталось без ответа.

Период с 1572-го по 1579 год – едва ли не самый сложный в жизни Льва и его семьи, но очень для него важный. В понимании юноши это как раз то время, когда он должен на практике применять полученные знания, но они оказываются невостребованными. Он жаждет активной деятельности, а вынужден ждать – не день, не неделю, не месяц и даже не год, а целых семь лет кряду, – когда же на него обратят внимание. Молодая кровь бурлит, энергия бьет через край, но применения силам и знаниям не находится. Тоска и отчаяние овладевают юношей. Все, что ему остается, это обсуждать подробности большой политики с отцом и братьями. Посольства из двадцати стран мира; большое количество претендентов; закулисная борьба за трон; интриги; сеймы элекционные и коронационные – целых десять за период с 1572-го по 1579 год, иной раз по два на год; избрание Генриха Валуа и его бегство; элекция Стефана Батория – все это звездный час других людей, но не его.

Сапега напоминает молодого и неопытного льва, которому отчаянно не везет. Неудивительно, что его посещают мысли о посвящении в монашество. Наверняка, духовную карьеру удастся сделать быстрее. Но этим путем он так и не пойдет, хотя находится в шаге от него.

Хороших предложений Лев не получил и после избрания Стефана Батория. Чтобы както удержаться на плаву, пришлось отказаться от романтических идеалов юности, научиться хитрить, угождать и быть покорным. Другого выхода у Сапеги не было: он вынужден это делать, так как годы неоправданного ожидания его многому научили, но не дали возможности верой и правдой служить Отечеству.

Свою публичную карьеру Лев Сапега начинает с самых низших ступеней – в оршанской городской канцелярии (о чем позднее будут язвительно писать в анонимных пасквилях), там, где отец еще имеет влияние, так как за ним сохранилась должность подстаросты оршанского. Эта должность переходит от отца к сыну. И, несмотря ни на что, Лев не теряет надежды на лучшее будущее.

Однако одно событие могло поставить крест на всех планах молодого Сапеги и даже полностью перечеркнуть его жизнь.

В 1575 году Андрей Цехановецкий, адвокат, который представлял интересы новоградского воеводича Горностая, вызвал в оршанский городской суд по делу «о разбойном нападении на имение старосельское и иные имения заднепровские, и побитье, помордовании и причинении ранений слугам, и боярам, и подданным нашим» подстаросту оршанского Ивана Сапегу с сыновьями – писарем городской канцелярии Львом Сапегой и его братом Григорием. Ответчики в суд предусмотрительно не явились, и Цехановецкий добился получения приговора об изгнании их за пределы государства «за то непослушенство», который и отправил королю и великому князю Генриху Валуа. Однако утверждал приговор уже король и великий князь Стефан Баторий, после того как получил письмо от оршанского старосты Филоны Кмиты-Чернобыльского. Как считают некоторые исследователи, этот факт явно говорит о том, что староста оршанский был на стороне противников Сапег, то есть староста выступал против подстаросты. Невзирая на жалобы Сапег о несправедливости суда, король и великий князь литовский 10 августа 1577 года под Гданьском осудил их на изгнание. Однако до реализации декрета дело не дошло. Уже в октябре 1577 года Стефан Баторий отменил приговор оршанского городского суда как противоправный. В задворном королевском суде интересы отца защищал Лев. Именно в это первое свидание с монархом карьера юноши была предопределена. Выступая в роли адвоката, Лев прилюдно продемонстрировал свою исключительную юридическую грамотность. Имея прекрасную память, он с безупречной точностью цитировал статьи Статута ВКЛ 1566 года, с легкостью и необычайно логичной выверенностью мыслей отвергал все высказанные против них аргументы. Неизвестно, был ли Иван Сапега виноват, но судебный процесс молодой адвокат блестяще выиграл [52, с. 10 и 11].

Несколько иначе эта ситуация представлена в недавно обнаруженном письме Стефана Батория к оршанскому старосте Кмите-Чернобыльскому. Письмо хранится в архиве Горностаев. Написано оно в Мальборке 25 ноября 1577 года писарем Николаем Есенским, адресовано непосредственно оршанскому старосте по жалобе на Л. Сапегу Горностая за наезд на его село Старцевичи в имении Заднепровье. Из письма следует, что 17 августа 1577 года двадцатилетний Л. Сапега вместе со старосельскими и басейскими боярами Семеном Рубцом, Иваном Федровичем, Гришкой и Мартином Гончаренскими, басейскими подданными Артемом Мартюшевичем, Ходаром Зеньковичем, Иваном Кондратом, Хромом и Ивашкой Анбрасовичами, с другими подданными и боярами, а также с оршанскими казаками и людьми из оршанской канцелярии совершили наезд на село, побили и измордовали подданных Г. Горностая, забрали у них имущество. В документе поименно названо только десять лиц, участвовавших в наезде. Об общем количестве участников судить сложно. Предположительно отряд Сапеги состоял не менее чем из тридцати человек. Наезд был совершен не из собственных имений Сапеги (в то время он имел родовое имение Сокольни в Оршанском уезде, которое получил после раздела наследства с братьями в 1575 году), а с земель староства.

По Статуту ВКЛ 1566 года рассмотрение наездов на имущество входило, среди прочих дел, в функции старосты. Жалобы на подстаросту брестский воевода подавал неоднократно. Но, несмотря на это, Ф. Кмита-Чернобыльский не хотел принимать свидетельства ездового о вреде, кроме того, еще и другие документы по этому делу из актовых книг изъял. Вместо того чтобы должным образом наказать виновного, Ф. Кмита-Чернобыльский воспользовался служебным положением и не дал хода этому делу. Он выступил на стороне Л. Сапеги, хоть

и приходился пострадавшему Г. Горностаю шурином (был женат на его родной сестре Анастасии). Несоблюдение старостой своих обязанностей и нарушение закона заставило Г. Горностая подать жалобу в суд другого уезда. В документе не указано, в какой именно. Ближайшие суды были в Витебске, Полоцке, Мстиславле и Минске. Вероятнее всего, жалоба была подана в минский городской суд, так как Г. Горностай там старостовал. Но на сегодня, поскольку книги суда не сохранились, проверить эту информацию невозможно.

Согласно обычаю и Статуту 1566 года правонарушения, совершенные государственными лицами, рассматривались великим князем литовским. Потому этот случай стал причиной для вызова Ф. Кмиты-Чернобыльского, Л. Сапеги и его помощников в государев суд. Как определено в Статуте, им было назначено время: они должны были появиться через восемь недель, если государь будет в то время в Польше, или через четыре недели, если он будет на территории ВКЛ.

Каков был приговор по делу – неизвестно. Но, определенно, на карьерном росте Ф. Кмиты-Чернобыльского и Л. Сапеги данный случай никак не отразился. Оршанский староста занимал свой пост до 1587 года, а с 1579-го номинально стал смоленским воеводой, хотя сам Смоленск оставался за Московией. А Лев Сапега начал головокружительную карьеру.

Касательно наезда хочется отметить вот что. В 1577 году подстаросте Льву Сапеге было только двадцать лет от роду, молодой человек имел не самое большое влияние в уезде. Скорее всего, на такой поступок он мог решиться при поддержке другого лица. И этим лицом, возможно, был Ф. Кмита-Чернобыльский. Ведь в документе упомянуто о его вероятном «наущении» и личной заинтересованности в прекращении дела.

Письмо С. Батория, конечно, не меняет кардинально биографических данных Л. Сапеги, не превращает его в антигероя. Оно лишь добавляет информации о начале его карьеры: Лев Сапега сумел стать заместителем оршанского старосты Ф. Кмиты-Чернобыльского в возрасте двадцати лет [33] (ранее этот факт не упоминался, просто указывалось, что государственную службу он начал в оршанской городской канцелярии писарем); о его делах: он тоже ошибался и порой был способен на неправовые поступки. Лица, занимающие высокие посты и много делающие для своего Отечества, не всегда безупречны. Однако от этого их достижения не становятся менее значимыми [57]…

Стефан Баторий нуждался в способных исполнителях. А молодой правовед вызвал у него большой интерес. Николай Радзивилл Рыжий в узком семейном кругу признался: «Показалось королю, что вырастет из молодого Сапеги настоящий государственный муж. Если считать, что так же полагал и мой брат Николай Радзивилл Черный, хоть и против моей воли, но придется принимать решение».

Несколько странным представляется однозначный вывод некоторых исследователей, якобы опекун и покровитель Льва Сапеги князь Николай Радзивилл Рыжий, стараясь везде иметь своих людей, назначил Сапегу на службу при королевском дворе [5, с. 7]. А, собственно, кто мешал ему сделать это раньше, тем более что Сапега напрямую обращался с просьбой об этом к сыну Николая Радзивилла Рыжего – Криштофу Радзивилу Перуну? Но почему-то пошел он на это только тогда, когда увидел прямой интерес короля и великого князя. Наверное, потому, что Сапега все же не был своим человеком для Радзивиллов.

30 января (по другим данным – 4 февраля) 1580 года Льва Сапегу назначают королевским секретарем. В силу служебных обязанностей он будет посвящен во все государственные тайны. В королевский дворец в Гродно юноша летел как на крыльях. Он так долго мечтал об этом. И наконец-то свершилось! Ему 23 года, и он в большой политике. Теперь он сможет сыграть собственную партию на мировой шахматной доске. Королевский писарь – первая ступенька к невероятной карьере, которую сделает представитель рода Сапег.

Уже через год, после составления документа о перемирии с Московским государством Лев Сапега был назначен писарем великим литовским (упоминается в этой должности уже 3 марта 1581 года).

Нельзя не сказать несколько слов об этой новой должности. Писари были государственные и земские. Государственные писари делились на две категории. Одни были большими господами при великокняжеском дворе, самыми доверенными лицами государя, зачастую членами государственного совета или сената. Нередко их отправляли в числе послов к другим монархам. Другие обычно исполняли поручения панов-рады, их посылали в провинцию взимать недобор по налогам или надзирать за доходами [31, с. 82, 83].

Стефан Баторий был доволен новым писарем. Лев Сапега тоже едва ли не боготворил своего короля. Просвещенный монарх симпатизировал образованному и скромному молодому человеку, не за страх, а за совесть выполнявшему все поручения, которые его ровесники, возможно, сочли бы скучными и неинтересными. Кроме того, юноша поражал придворных авторитетов юридической науки глубоким знанием законодательства Великого княжества и Польши. Лев даже указывал на некоторые его недостатки и предлагал пути исправления отдельных статутовых статей, свободно оперируя при этом нормами права других европейских государств [52, с. 10].

Природа наделила Сапегу умом и работоспособностью. Он мог подолгу, без всякой суеты, даже с наслаждением заниматься одним делом, а в конце придать ему такую завершенность и блеск, что ни у кого не возникало и мысли что-то исправлять и переделывать. Благодаря приятной внешности, внутреннему спокойствию, уверенности в себе без чванства и вызывающего позерства, без малейшей доли самолюбования и гонора, корректному и внимательному отношению к собеседнику Сапега создавал впечатление человека добропорядочного и обаятельного. Не случайно Стефан Баторий заметил в этом не по годам взрослом юноше талант государственного мужа. И не ошибся. В Сапеге действительно сочеталось все то, что позволяло быстро взойти по иерархической лестнице. Конечно же ему не доставало жизненного опыта, но он, как, впрочем, и богатство, и слава, придет чуть позже, вместе с большой властью и громкими делами [52, с. 11].

Служба в канцелярии у Сапеги ладилась. Он быстро освоился, свел знакомство с коллегами. Надо сказать, что государственная канцелярия ВКЛ представляла собой небольшое ведомство, закрытое для посторонних глаз, своего рода элитарный клуб, куда попасть было достаточно трудно. Вплоть до конца XVIII века она состояла из двух печатарей, двух секретарей, двух референдариев, четырех писарей, двух печатных секретарей, двух метрикантов да человек десяти подписков [31, с. 73]. Наверное, это обусловливалось государственными интересами и тайнами, с которыми имели дело чиновники.

Служба в канцелярии – дело хорошее, но для Льва – всего лишь трамплин в карьере. Должность писаря – это слишком мало. Не для того он пришел во власть, чтобы только переписывать королевские грамоты. Он хочет начать собственную игру, мечтает о том, как поднять свой род на недосягаемую высоту, стать учредителем нового могущественного клана. А для этого требуется власть, хотя бы такая, которую имеют Радзивиллы.

Шанс выделиться быстро выдается. Стефан Баторий должен оправдывать авансы, полученные при избрании, и возвращать долги. Вступая на престол, он поклялся, что скоро вернет захваченные Иваном Грозным земли, и в начале 1580-х годов Речь Посполитая начинает активные военные действия против Московии. Сапега облачается в доспехи и на собственные (читай – родительские) деньги вооружает хоругвь. Очевидно, что им движет не одно только желание попробовать свои силы в битве с московитами и освободить сограждан из вражеской неволи; он жаждет выделиться, показаться королю в новом качестве, завоевать место под солнцем лучшее, чем имеет сейчас. Все брошено для достижения поставленной цели. И в этом намерении ничего предосудительного нет. Как еще мог заявить о себе высокообразованный

и талантливый юноша? Получить какую-либо значимую должность в сложной строго иерархичной структуре ВКЛ, как, впрочем, и любого средневекового государства, можно было только в одном случае – преданно служа монарху и защищая государство от внешних врагов [52, с. 11].

Лев Сапега сражается в составе королевского войска под Великими Луками и Псковом. Однако о каких-либо чрезвычайных победах молодого Сапеги над врагом история умалчивает. Во всяком случае, другой секретарь Стефана Батория – Рейнгольд Гейденштейн – в своем дневнике никоим образом о них не упоминает. Но это и неудивительно: королевский секретарь должен прославлять подвиги государя, а не своего коллеги. Да и, возможно, они были конкурентами – бывший королевский секретарь и новый. Но как бы то ни было, деньги, полученные от отца по завещанию, даром не пропали. Король Стефан Баторий чрезвычайно щедро раздал всем высшим и низшим начальникам, а также солдатам, которые отличились в этой войне, не только военные награды, но и староства [12, с. 122].

По окончании боевых действий король и Радзивиллы решают посмотреть, чего стоит молодой Сапега. Как говорится, за одного битого двух небитых дают. Его избирают сеймовым маршалком. С 4 октября по 25 ноября 1582 года он председательствует на сеймовых заседаниях, следит за порядком во время сейма в Варшаве. Наконец-то он среди первых лиц государства, на виду всего сейма Речи Посполитой! Приедет знать домой, начнутся расспросы: «Какие там новости в столицах? Что решали?» И обязательно: «А кто председательствовал?» «Да сын Ивана Сапеги пошел в гору». Как долго он этого ждал! Об этом были и родительские мечты. Но, к сожалению, отец Льва не дожил до успеха сына: Иван Сапега умер несколько ранее (1580).

Надо сказать, что мировоззрение Льва сформировалось именно в этот период и было обозначено двумя историческими фактами, которые сильно затрагивали имущественные интересы его семьи. Во-первых, Сапеги лишились родовых поместий на Смоленщине в результате войн с Московией. Во-вторых, ВКЛ понесло значительные территориальные потери после заключения Люблинской унии, что было не менее болезненным. Все это не только значительно ухудшало материальное благосостояние семьи, но и снижало социальный статус рода Сапег. Свободных территорий и должностей, способных заменить или каким-то образом компенсировать эти потери, в Княжестве не оказалось. Привилегии и земли нужно было буквально возвращать с оружием в руках. А враги были четко обозначены – Московия и Королевство Польское.

Часть 2. Время замыслов, время свершений

Глава 2.1. Трибунал обывателям Великого княжества

Во главе государственной канцелярии ВКЛ в 1579—1587 годах стоял Астафий Воловичь. Он занимал должность канцлера великого, его заместителем был подканцлер Криштоф Радзивилл Перун. Именно эти люди определяли обязанности молодого Льва Сапеги, который рвался в бой. Наиболее сблизился Сапега с Астафием Воловичем. Старый политик не только стал для него другом и духовным советником, но и в некотором смысле заменил отца. Не надо искать каких-то особых подтекстов, пытаясь объяснить внезапно возникшую симпатию между одним из высших должностных лиц Княжества, Астафием Воловичем, и только что назначенным писарем государственной канцелярии. Объясняется все очень просто: Волович был женат на Федоре Павловне Сапеге [44, с. 66]. Клановые интересы в Княжестве всегда были очень сильными. Именно данное обстоятельство, а не какие-то иные, должно быть принято во внимание в первую очередь. В том числе по этой причине молодой Сапега начинает быстрое вхождение во власть.

Уже в первый год работы в канцелярии Лев Сапега достаточно четко определяет свое жизненное кредо и смысл всей будущей деятельности. Он становится борцом за независимость Великого княжества, ежечасно заботясь об усилении его экономической и политической мощи [52, с. 12].

Боевым крещением Льва Сапеги на политической арене следует назвать создание в 1581 году регламента Трибунала Великого княжества Литовского (высшего апелляционного суда). В Королевстве Польском, претендовавшем на лидерство в конфедеративном государстве Речи Посполитой, подобный государственный орган существовал уже около трех лет. Образование Трибунала в ВКЛ было необходимо не только для усиления роли судебной власти, но и из соображений престижа. Трибунал демонстрировал мощь государства, его способность обеспечить судебную защиту прав своих граждан. Принятие Трибунала должно было улучшить правовую ситуацию в стране, где после побед Стефана Батория над войсками Ивана Грозного возрождалась экономика.

Во второй половине XVI – первой половине XVII века количество цехов в Минске увеличилось с трех до девяти, в Слуцке – с пяти до семнадцати, в Могилеве – с семи до двадцати одного, в Бресте – с двух до четырнадцати. Развитие ремесла сопровождалось расширением торговли между городом и деревней, отдельными землями и другими странами. Во всех городах и местечках налаживались торги (один-два раза в неделю), а в крупных городах – еще и ярмарки (один – три раза в год), на которые съезжались не только местные, но и иностранные купцы. Несмотря на перманентные войны и периодическое обострение отношений с соседями, торговля не приостанавливалась. Полоцк, крупнейший торговый центр Европы, вел торговлю с Ригой, Новгородом, Псковом, Москвой. Брест торговал с Варшавой, Торунем, Гданьском, Познанью, Аугсбургом, Люблином, Краковом, Львовом. Гродненские купцы поддерживали постоянные связи с Польшей [77, с. 60, 61].

Сапега должен был выполнить всю черновую работу и подготовить регламент. Образцом для создания Трибунала Великого княжества был взят польский вариант, разработанный канцлером коронным Яном Замойским. С первым серьезным поручением талантливый правовед справился быстро. Подготовленный им Трибунал был утвержден 1 марта 1581 года, однако действовать начал только в 1582 году.

Согласно положениям регламента Трибунал состоял из сорока шести судей-депутатов. Они выбирались на уездных сеймиках из шляхты по два человека от каждого уезда. Срок

службы депутата в качестве судьи ограничивался годом. Трибунал ВКЛ (или Главный литовский трибунал) рассматривал апелляции на решения земских, замковых и подкоморских судов, а также жалобы на решения уездной администрации, а в первой инстанции – дела о ненадлежащем исполнении старостами и замковыми урядниками своих обязанностей при судопроизводстве. К юрисдикции Литовского трибунала относились также дела духовных лиц, в рассмотрении подобных дел участвовали депутаты от духовенства.

Сессии трибунала проходили под председательством избранного депутатами председателя, постановления принимались большинством голосов на основе Статута ВКЛ, сеймовых конституций и правовых обычаев.

Местом проведения сессии Трибунала были Вильно (ежегодно), Минск и Новогрудок (поочередно через год).

И самое главное – постановления Трибунала имели силу постановлений Сейма.

Работая над Трибуналом, Сапега получил колоссальный опыт, сделался настоящим мастером. Тем не менее, как справедливо заметил один из его биографов, в мастерской политических дел Литвы он пока еще оставался подмастерьем [71, с. 352].

Порой удивляет та уверенность, с которой некоторые исследователи утверждают, что в 1581 году Лев Сапега выступал основным создателем Главного Трибунала ВКЛ [43, с. 2]. Для подобного заключения нужны хоть какие-то аргументы. Но их никто не удосуживается привести. Скорее, настоящими создателями Трибунала нужно назвать канцлера Астафия Воловича и Криштофа Радзивилла Перуна, которые выступали учителями Сапеги.

Однако под чьим бы руководством ни работал Сапега, дело было сделано. И пока во главе государства стоит Стефан Баторий, который благосклонно относится к литвинам, надо пользоваться удобным моментом. В планах Астафия Воловича – отказ от Люблинской унии и возрождение полной самостоятельности Княжества. Эти намерения импонируют и Криштофу Радзивиллу Перуну, который также мечтает вернуть времена, когда вся власть в Княжестве была сосредоточена в руках его отца – Николая Радзивилла Рыжего. Таким образом, в государственной канцелярии собрались практически единомышленники.

Планы патронов разделяет и Сапега. Но защищать Княжество от московских бояр на поле боя, когда абсолютно ясно, кто твой враг, – одно дело, и совсем другое – перехватить инициативу из рук сильного и более наглого компаньона по конфедерации – поляков – в свои руки в мирное время. Здесь нужны не только знания, политическая воля и большие деньги, которых всегда не хватает. Рассуждать о полной самостоятельности Княжества можно, только имея значительный запас мощи.

Тем не менее Сапега уже в юношеские годы вспоминает о былых временах. В письме Криштофу Радзивиллу Перуну он пишет: «Хорошо известно, как нам эту преподобную унию навязывают: с радостью сделали бы из нас новую Волынь…» [71, с. 353] (пер. наш – *Л. Д.*).

Таким образом, программа действий четко обозначена. Позорную Люблинскую унию нужно пересмотреть, а еще лучше – отменить навсегда. Тем более, подходящий повод для этого есть, и он дает правовые основания для дальнейших последовательных шагов в укреплении независимости ВКЛ.

Пересмотр устаревших положений основного законодательного акта ВКЛ – Статута 1566 года диктовался не только стратегической целью, которую поставили перед собой Астафий Волович и Лев Сапега. Этого требовали изменения в жизни и судебная практика. Образование Трибунала в 1581 году обусловливало немедленное внесение принципиальных изменений и дополнений в статьи Статута 1566 года, регулировавшие государственное и процессуальное право ВКЛ. К этому вынуждало и общественное мнение. В публицистике 1580-х годов развернулась широкая дискуссия о сущности государства, назначении светской власти и других важнейших вопросах организации государственной жизни. Многие протестантские деятели требовали ликвидировать существующие государственные структуры, считая их

противоречащими учению Христа. С анархистами спорили Сымон Будный, Станислав Кашуцкий, Андрей Волан, Станислав Рудинский и др. Однако этого было недостаточно, нужны были авторитетные государственные акты, которые бы твердо и однозначно закрепляли ту или иную концепцию государства и права. Таким законодательным актом, конечно же, мог быть только Статут ВКЛ. На общем съезде шляхты ВКЛ в Вильно в 1586 году возобновились острые дискуссии по поводу финансово-налоговой политики государства. Наболевшими, требующими скорейшего решения оставались вопросы организации торговли, отношения к ростовщикам, ростовщичеству как таковому и т. д. Уездные сеймики шляхты со своей стороны поднимали множество других проблем, которые требовали юридического оформления. Например, Волковысский сеймик в 1584 году вносил дельные предложения по совершенствованию взаимоотношений между светскими и духовными панами-радой [71, с. 336, 337].

Было очевидно, что действующее законодательство ВКЛ, Статут 1566 года, должно быть пересмотрено. Лев Сапега четко понимал, в каком направлении нужно двигаться. Но Статут – это не письмо к Криштофу Радзивиллу Перуну, а основополагающий законодательный акт, насчитывающий сотни статей, и работать над ним нужно скрупулезно и неторопливо. С чрезвычайной тщательностью молодой Лев изучал, анализировал, редактировал. Был в этом и личный интерес: он хотел создать самый совершенный свод законов своей страны. Первые два Статута (1529 и 1566 годов) довольно быстро утратили соответствие требованиям времени. Наверняка готовившие их правоведы были не слишком честолюбивы. Возможно, поэтому история не сохранила их имена. И, конечно же, он не мог упустить возможность подчеркнуть свое участие в создании нового свода законов.

Сапега занимался Статутом около пяти лет с небольшими перерывами. Отдаваться этой работе целиком ему не позволяли другие дела, ибо правление Стефана Батория – не только пора возврата ранее утраченных территорий, процветания торговли и ремесел, подъема культуры, это еще и время обновлений во многих областях жизни, яркий пример которых – реформа летоисчисления.

Григорианский календарь, введенный привилеем Стефана Батория, был далеко не однозначно воспринят народом. Благосклонно принятый католическими кругами, он встретил резкий отпор православного духовенства: в 80—90-е годы XVI века это нововведение вызвало серьезные конфликты в Полоцке, Вильно, Львове, поскольку затрагивало религиозные чувства и экономические интересы людей. Например, автор Баркулабовской летописи сравнивает перемену сроков проведения христианских праздников и ярмарок с почти что началом пришествия Антихриста [6, с. 223, 224]. «В то время большая смута была посеяна среди господ, духовенства, среди простого люда. Увидев, как устанавливают новые даты праздников, как старые отменяют, как закрывают торги и ярмарки, люди много плакали, ссорились, угрожали, жаловались, грабили, проклинали» [39, с. 5] (пер. наш – *Л. Д.*). Некоторые белорусско-украинские идеологи православия в стремлении защитить свою веру от наступающего католичества резко выступили против реформы календаря, хотя сознавали необходимость его исправления. Наверное, нигде больше борьба вокруг нового календаря не приняла таких острых форм, как в Речи Посполитой. «Календарные» волнения заставили правительство узаконить право православных пользоваться старым летоисчислением и отмечать свои праздники по традиции. Но полностью стабилизировать ситуацию было очень трудно: сыпались жалобы, шли разбирательства, продолжались «календарные» беспорядки.

Однако все эти проблемы казались мелочью по сравнению с внешней угрозой. Осенью 1583 года, когда Лев Сапега находился в Кракове при дворе Стефана Батория, объединенные орды Османской империи и крымских татар напали на южные земли Речи Посполитой. «От пана старосты каменецкого из Каменца-Подольского, – спешно сообщал Лев Сапега Криштофу Радзивиллу Перуну в Вильно, – примчался гонец с известием, что турки переправились через Дунай и стали лагерем возле Каменца» [52, с. 13] (пер. наш — *Л. Д.*).

Власти Великого княжества и Королевства Польского начали собирать посполитое рушание (народное ополчение). Чтобы избежать военных действий на два фронта, правительство конфедеративной страны приняло решение любой ценой подписать мирный договор с Московским государством.

Мотивация посольства в Москву, которая была впервые озвучена в новейшей белорусской исторической литературе И. Саверченко и с которой читатель только что познакомился, механически повторена и в других работах. Но верной ее назвать сложно. Во-первых, с Московией 15 января 1582 года был заключен Ям-Запольский мирный договор сроком на 10 лет. В таком случае зачем нужно было направлять новое посольство за новым мирным соглашением? Во-вторых, в исторической литературе широко распространено мнение о том, что король Стефан Баторий сам являлся ставленником Османской империи. Подтверждение этой мысли встречается в мемуарах весьма осведомленного современника. Николай Радзивилл Сиротка, который планирует поездку в Святую землю к Гробу Господню, уверяет нас, что король Стефан Баторий дважды советует ему ехать именно через турецкие земли. Он убеждает: «Во избежание случаев различных на море да во избежание разбойных нападений по суше шел к Константинополю, а оттуда до Алеппо (взяв себе проводника и янычар у Турецких ворот, которые из всех других наиболее верны). Богобоязненный король заботился и о том, чтобы я никоим образом затеряться не мог, если бы мне опасность угрожала, ради чего лучше с ведома турецкого султана действовать, взяв у него паспорт, ехать дальше. Обещал он притом султану как наилучше написать и гонца своего выслать, который бы в этом деле посодействовал» (пер. наш — *Л. Д.*). Как видим, Стефан Баторий прямо говорит о хороших отношениях между ним и Муратом III, турецким султаном.

Поскольку от первоначальных намерений Радзивилл Сиротка отказался, в августе 1582 года Стефан Баторий вновь настойчиво предлагает свои услуги: «Он как мог уговаривал меня, чтобы я через Константинополь ехал, обещая всячески стараться о том, чтобы я безопасно мог намерение свое выполнить» [49, с. 167, 173] (пер. наш — *Л. Д.*).

Отчего же султан посылает войско против своего союзника? И почему ничего больше не слышно о военных действиях между Королевством Польским и Османской империей?

Перед послом, скорее всего, стояли другие задачи: во-первых, досконально изучить положение в Московии накануне предполагаемого продолжения войны на ее территории, а во-вторых, провести переговоры об освобождении граждан Королевства Польского и ВКЛ, находящихся в плену в Москве.

Глава 2.2. Лев против Андрея

Несмотря на внутренние волнения в Речи Посполитой, Стефан Баторий не отказался от намерения нанести решительный удар по Московскому государству. Задача-минимум – отнять у нее (точнее, вернуть обратно) Смоленск и Северскую землю.

Король решил отправить в Московию посольство. Он не раз говорил, что выдающийся полководец тот, кто лучше всех осведомлен о делах врагов, но вместе с тем отчетливо понимал, что московиты не столь просты, чтобы выдать истинное положение. Не зря же московские князья объявили себя наследниками византийских императоров. О тайной дипломатии Восточной римской империи уже в ту пору ходили легенды. Иностранцы свидетельствовали, что и в Москве на каждого жителя приходится по два шпиона. Задача перед послом стояла чрезвычайно трудная. Выполнить ее под силу только очень ловкому дипломату.

Кандидатуры посла отпадали одна за другой. Один медлителен в действиях, излишне осмотрителен, боится брать на себя ответственность. Другой как будто и решителен, но не дипломат, рубит, как говорят, с плеча. Третий ни в коем случае не отступит от заранее согласованного плана, в нужный момент не проявит инициативы [40, с. 100]. Король все более склонялся к мысли, что посольство в Москву должен возглавить хитрый лис – Лев Сапега. Возможно, нелегким было это решение для Стефана Батория: Сапеге шел всего двадцать седьмой год. Да и наверняка далеко не все восторгались тем, что старый Астафий Волович продвигает своего ставленника. Однако Радзивиллам было не до споров. Николай Радзивилл Рыжий, великий гетман и воевода виленский, уже некоторое время не оказывал влияния на ход событий, хотя раньше без его разрешения нельзя было и шагу ступить: преклонные лета и болезни добивали славного властителя. Его смерти ждали со дня на день. Сын Николая Радзивилла Рыжего, подканцлер Криштоф Радзивилл Перун, зарекомендовал себя как военачальник, а не как дипломат. Сам Волович был слишком стар, чтобы отправляться в опасное и далекое путешествие. Нужен был новый человек, чье внезапное появление не испугало бы слишком осторожных московитов, не заставило бы их заподозрить какую-либо интригу. Причем человек достаточно умный, способный безукоризненно выполнить королевский наказ.

Так новое испытание на зрелость выпало молодому Льву. Король предупреждал: «С москалем дружи, а камень за пазухой держи». Лев понял, что Стефан Баторий заметил его способности и дает ему шанс. В одном из своих писем Сапега на этот счет писал: «Хотел того король, о чем сам мне говорил, чтобы я взглянул в глаза деспоту (Ивану Грозному) и напомнил ему о королевских победах. Были времена, когда послы монархов, став перед ним, немели; долг мой – уважение к победителю пробудить, может, тогда найдет успокоение его природная дикость и жестокость» [71, с. 354] (пер. наш – *Л. Д.*).

Неизвестно, что получилось бы, если б молодой Сапега начал наставлять Ивана Грозного. Мы помним: с подобного рода делами неплохо справлялся его двоюродный дед, но Иван III имел характер более терпимый, чем внук. Однако судьба избавила Сапегу от необходимости вести переговоры с восточным деспотом.

Около Можайска посольство вдруг задержали. Что такое? Таинственность поведения московитов порождала разные догадки. От Ивана Грозного можно было ждать чего угодно. Несколько дней прошло в неведении. На душе стало легче, когда один из московских стражников проговорился: «Умер великий князь». На самом деле стражник сообщил Сапеге полуправду – всей правды он не мог знать. Ивана Грозного уже не было в живых, но умер он не своей смертью. Ему помогли уйти в мир иной. Как пишет современник, англичанин Джером Горсей, лично знавший царя, скорее всего, в марте 1584 года произошел дворцовый переворот. Его целью было заменить на троне тяжелобольного и смертельно опасного по этой причине великого князя Ивана Грозного его сыном. Возглавлял заговор фаворит московского

царя Богдан Бельский. Физическое состояние Ивана Грозного способствовало этим намерениям заговорщиков. Летописцы отмечали, что после смерти первой жены царь погряз в блуде и насилии. «Он сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни» [85, с. 85]. И неотвратимым наказанием похотливому монарху был сифилис. Его тело распухло и стало издавать сильное зловоние. Согласно утверждению Джерома Горсея Богдан Бельский и Борис Годунов готовили заговор для того, чтобы самим избежать смертельной опасности. Было очевидным, что, стоя на краю могилы, Иван Грозный способен потянуть вслед за собой бесчисленное множество людей и разрушить государственное устройство Московии. Переговоры тяжело страдающего французской болезнью Ивана IV с английским послом Джеромом Баусом были ярким тому доказательством. Как считает Джером Горсей, если бы сэр Джером Баус знал меру и умел воспользоваться моментом, Иван Грозный, охваченный сильным стремлением достичь своей цели, пошел бы навстречу во всем, что бы ни было предложено, ведь пообещал же он, если его женитьба с родственницей английской королевы устроится, закрепить за ее потомством наследование короны. Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича (Федора Ивановича) – семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены. Они изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью не допустить этого и опровергнуть все подписанные соглашения [85, с. 84]. Царь был в гневе и не знал, на что решиться. По его приказанию привезли множество колдунов и знахарок. Ежедневно царский любимец Богдан Бельский, единственный, кому царь доверял, узнавал и доносил их предсказания недоверчивому монарху. Чародеи поведали, что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес – против царя, они предрекают его кончину 18 марта 1584 года. Но Богдан не осмелился принести самодержцу такую новость. Тем не менее царь узнал о предсказании и, впав в ярость, пригрозил, что в этот день все они будут сожжены, если пророчество не исполнится. В окружении Грозного, как это обычно случается с каждым деспотом, не осталось людей, которым он мог полностью доверять.

18 марта 1584 года в полдень самодержец пересмотрел свое завещание и назначил опекунский совет над своим слабовольным сыном Федором из четырех знатнейших мужей государства. В него вошли И. Ф. Мстиславский, И. П. Шуйский, Н. Р. Юрьев, Б. Я. Бельский [118, с. 11]. Ближе к трем часам дня царь пошел в баню, там ему полегчало, около семи часов после полудня он вышел значительно посвежевший, приказал принести шахматы. Его окружали слуги, главный фаворит Родион Биркин, Борис Федорович Годунов и другие приближенные. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубашку и чулки; вдруг он ослабел и повалился навзничь. Поднялся крик, одни побежали за водкой, другие – в аптеку за ноготковой и розовой водой, позвали его духовника и лекарей. «Тем временем он был удушен и окоченел» [85, с. 86, 87]. Ивана Грозного не стало, но опасность для ВКЛ устранена не была.

Чтобы избежать волнений, московские власти попытались скрыть правду о смерти монарха, даже сообщили, что есть надежда на выздоровление великого князя. Тем временем Богдан Бельский приказал закрыть ворота и поставить стражу на стенах Московского Кремля. Несмотря на усилия властей, весть о смерти Ивана IV быстро разнеслась по столице и вызвала волнения в народе. Страх перед вооруженным восстанием заставил бояр поспешить с присягой наследнику грозного царя. Глубокой ночью была принесена присяга Федору Ивановичу.

«Удивительно много успели сделать за шесть или семь часов: казна была вся опечатана и новые чиновники добавились к тем, кто уже служил этой семье. Двенадцать тысяч стрельцов и военачальников создали отряд для защиты стен великого города Москвы; стража была также дана и мне для охраны Английского подворья», – свидетельствует Джером Горсей [85, с. 87]. На наш взгляд, именно это обстоятельство – предварительная готовность и быстрота – указывает на наличие заговора, все необходимые меры были приняты заранее.

Тем не менее английский посол сэр Джером Баус, со слов Горсея, дрожал, каждый час ожидая смерти. Вспоминая это время, сам Баус писал: «Кончина Иоаннова изменила обсто-

ятельства и предала меня в руки главным врагам Англии: боярину Юрьеву и дьяку Андрею Щелкалову, которые в первые дни нового царствования овладели Верховною думою. Меня не выпускали из дома, стращали во время бунта московского, и Андрей Щелкалов велел сказать мне в насмешку: царь английский умер» [92, с. 14].

Главные заговорщики – Богдан Бельский и Борис Годунов – вышли на крыльцо в сопровождении родственников и окружения. Митрополиты, епископы, иная знать собирались в Кремле, отмечая, так сказать, дату своего освобождения. Это были те, кто первыми на святом писании и на кресте желали принести присягу и поклясться в верности новому царю – Федору. Два других боярина-опекуна, Никита Романов и Иван Мстиславский, отбывшие из дворца на обед, узнав, что случилось, поспешно появились в Кремле в окружении вооруженных людей. Стрельцы отказались открыть ворота опекунам, но потом пропустили их через калитку (правда, без вооруженной стражи). Начал собираться народ. Стрельцы схватились за оружие. В случае успеха Бельский мог ликвидировать регентский совет и царствовать от имени Федора единолично. Над Кремлем нависла угроза новой тирании.

Однако Бельский и его сторонники не учли важного фактора, каковым был народ. Столкновение около кремлевских ворот вылилось в открытое восстание. Его датируют 2 апреля (по другим данным – 9 апреля) 1584 года. Захватив пушки на Красной площади, повстанцы повернули их в сторону Фроловских ворот. Стрельцы попытались разогнать толпу. Во время перестрелки было убито около пятиста двадцати и ранено около ста человек. Такой нежелательный поворот событий заставил выслать на площадь бояр для переговоров. Людская толпа решительно требовала на расправу Бельского, который олицетворял жестокие порядки, установившиеся при последнем самодержце, так что Федору и его окружению пришлось проститься с этой одиозной личностью. Народу было сообщено о высылке Бельского, после чего волнения в столице улеглись.

Отставка Богдана Бельского радикально изменила расстановку политических сил в Московии. Прежде всего, она способствовала усилению власти Бориса Годунова и Андрея Щелкалова. Оба они давно готовились к захвату всей власти в стране, потому как знали: наследник Ивана Грозного совершенно не способен к самостоятельному правлению. Несмотря на то что беспокойство и волнения немного утихли, новый мятеж мог вспыхнуть в любую минуту.

Тем временем собирались делегаты на Земский собор. На нем должны были объявить Федора новым правителем. Андрей Щелкалов и Борис Годунов старались избегать всевозможных непредвиденных ситуаций. Было решено закрыть границы государства. Чтобы нейтрализовать рвавшегося обратно домой с важной информацией литовского посла Льва Сапегу, Щелкалов попросту посадил его в тюрьму, а через некоторое время послал в Речь Посполитую Андрея Измайлова с сообщением о воцарении на престол Федора [110, с. 84]. В заточение вместе с Сапегой попали все члены посольства. А вместе с ним в Москву ехало еще двести семьдесят пять человек, из них двадцать девять купцов [40, с. 100]. Это были глаза и уши Льва Сапеги, но, увы, все они были нейтрализованы. Но, собственно, необходимость в глубоком изучении состояния дел в Московии отпала сама собой, ведь произошло главное: Иван Грозный умер. Более благоприятную ситуацию трудно себе представить. Государство осталось без главы – лучшего не придумаешь. Но вместо того, чтобы в скором времени направить уведомление королю, все члены посольства вместе с Сапегой сидят в тюрьме, как в той белорусской пословице: «Трапіў у нерат – ні ўзад, ні ўперад». В Москве послов закрыли на посольском дворе – шагу не сделать. Высокий забор отгородил их от всего мира. Не только человека нельзя увидеть, но и ветру повеять неоткуда. Личность посла не внушала хозяевам особого почтения. «Здесь меня держали как некоего заключенного, даже дырки в заборе законопатили, да вокруг двора поставили стражу, чтоб следила за мной днем и ночью», – так обрисовывает сам Сапега ситуацию, в которую попал в Москве [71, с. 354, 355]. Но он все-таки смог через своих людей сообщить Стефану Баторию московские новости, воспользовавшись дипломатическими

формальностями. Грамоты и послания, которые привез Сапега, были адресованы персонально Ивану Грозному, поэтому требовалось заменить их новыми бумагами на имя Федора Ивановича. Для этого нужно было вернуться на родину. Однако сделать это самому не удалось. Пока не был избран новый великий князь, на отъезд посла бояре не соглашались. Им было важно иметь его в качестве заложника.

На первой аудиенции, которая проходила 12 апреля 1584 года, Лев Сапега стал свидетелем противостояния между боярскими группировками. На его замечание о неподобающем отношении к посольству никто из бояр не обратил внимания. Их мысли были сосредоточены на борьбе за власть. Впечатления Сапеги от встреч с московскими боярами были не из лучших. Он воочию познакомился с нравами, царившими в Кремле, стал свидетелем возмутительного поведения бояр, между которыми с восхождением на престол нового великого князя еще более возросла конкуренция и взаимная неприязнь. Каждый старался как можно выше подняться по иерархической лестнице, приблизиться к трону, приобрести новые привилегии и земли.

Перед аудиенцией московские бояре, несмотря на присутствие иностранных послов, потеряв всякий стыд, а может, и разум, чуть не поубивали друг друга из-за места в ходе переговоров. Так и не придя к соглашению, многие из них после непристойных споров со злыми ругательствами и непередаваемыми взаимными оскорблениями уехали из Кремля [52, с. 15]. Надо сказать, что биограф Льва Сапеги рисует московскую политическую элиту в самых черных красках. На самом деле нечто подобное происходило и в других государствах, в том числе в Речи Посполитой. Сапегу ничуть не смутило то, как московиты борются за власть. Прием иностранного посла – это как раз та сцена, где и должны быть получены ответы на вопрос «кто есть кто в Московском государстве?». Он, один из первых иностранных послов, понял, что вся реальная – исполнительная власть – сосредоточена в руках трех царских чиновников не самого высокого происхождения: Бориса Годунова да братьев Щелкаловых – Андрея и Василия. Именно они да князь Федор Михайлович Трубецкой остались вести переговоры с послом Стефана Батория.

Как уже указывалось, к концу первого дня переговоров было решено отправить посыльных к королю в Речь Посполитую за новыми грамотами. После долгой волокиты бояре все же согласились на это, хотя и без большой охоты [52, с. 15]. Следует отметить, что в первый же день Сапеге удалось на равных вести разговор с человеком, управлявшим московской внешней политикой долгие годы, – Андреем Щелкаловым. Литовский посол не только не уступил ультимативным требованиям московского «канцлера» «править посольство» к великому князю Федору, но смог убедить его, что это было бы нарушением дипломатической практики. Более того, договоренности с Федором не имели бы юридической силы, так как на переговоры с ним Сапега не был уполномочен.

Тем временем в Речи Посполитой объявились посыльные Льва Сапеги. Они доложили королю о состоянии дел в Московии, о трудностях посольства, и это позволило молодому послу с честью выйти из сложной ситуации. Но хоть новости Баторий узнал вовремя, фактор внезапности, безусловно, был потерян, да и король не мог начать военные действия против Московии в наиболее подходящее для этого время – когда не было монарха и царили беспорядки.

В Москве же очень активно готовился Земский собор. Кандидатура Федора на нем была поддержана, тем самым были подтверждены и полномочия правительства во главе со Щелкаловыми и Годуновым, стоявшими за спиной Федора Ивановича. 31 мая 1584 года состоялась торжественная коронация Федора в Успенском соборе Кремля. Сапега на ней не присутствовал, а потому был лишен возможности насладиться этим действом, которое, как и следовало ожидать, не обошлось без скандала. Не дождавшись окончания церемонии, уставший от ее продолжительности Федор передал шапку Мономаха князю Мстиславскому, а тяжелое золотое яблоко (символ государства) – Борису Годунову, чем привел всех присутствующих в крайнее замешательство.

Наконец гонцы вернулись из Речи Посполитой. По их словам, Измайлов, посол московского двора, который отправился вместе с ними, на приеме у короля вел себя очень скромно, уступал требованиям относительно церемониала, беспрестанно подчеркивал, что московские властители всегда желали мира между странами. И, что стало неприятным сюрпризом для Сапеги, предлагал Измайлов грамоты, гарантирующие неприкосновенность новому послу в Московию. Не заслуживающим доверия юнцом показался Лев Сапега Андрею Щелкалову. Поэтому последний и потребовал «великих литовских послов». Литовские паны-рада, а прежде всего Николай Радзивилл Сиротка, отвечали Измайлову: «Король к государю вашему послов своих слать не хочет, потому: государя нашего посол Лев Сапега и теперь у государя вашего в Москве, а теснота ему великая… с двора литовского человека никакого не спустят, корм дают дурной; литовского посла держат хуже других всех послов: в такое государство никто ни захочет идти в послах, а государь наш силой никого не пошлет… Государя нашего посол теперь на Москве и государь бы ваш отпустил его, да за ним бы своего посла к королю прислал, и государь наш станет советоваться со всею радою и землей, как ему с государем вашим вперед быть, – продолжал с горячностью Сиротка. – Государь ваш молод, а наш государь стар, и государю вашему пригоже к нашему государю писаться младшим братом, да и Смоленска и северских городов государь ваш поступился бы» [123, с. 197, 198]. В этих словах был неприкрытый план действий: вернуть посла, провести сейм и принять решение о войне. Такой поворот событий московитов никак не устраивал.

Лев Сапега тем временем обдумывал, как ему держаться на официальном приеме, который вот-вот должен был состояться. Взвесив все за и против, молодой дипломат пришел к выводу, что нужно быть решительным, даже дерзким. Только такая тактика может привести к победе. Во-первых, пусть он и не очень знаменит, личность посла священна, поэтому немного нахальства не помешает. Во-вторых, судя по всему, московиты сейчас чувствуют себя неуверенно. Желания воевать со Стефаном Баторием у них нет, и об этом свидетельствовала угодливость Измайлова в Варшаве. В-третьих, между московскими властями предержащими по-прежнему нет согласия. Лев Сапега писал в донесении королю: «Вот и сегодня я слышал, что между ними были большие споры, которые едва не вылились во взаимное убийство и пролитие крови» [116, с. 25].

Враждебность между московскими боярами была обусловлена действиями Андрея Щелкалова. Накануне официального приема Льва Сапеги, беспокоясь о решении финансовых проблем Московского государства, на заседании Боярской думы он добился утверждения закона об отмене налоговых льгот крупных землевладельцев. Князья церкви и состоятельные землевладельцы должны выплачивать налоги на одном уровне с другими. Покушение на боярские привилегии и стало основой боярского возмущения. Борьба в Думе приобрела драматический характер. Власти ждали нового мятежа. Поэтому было решено как можно скорее отправить посла Речи Посполитой из Москвы. 10 июля 1584 года Федор Иванович дал официальную аудиенцию Льву Сапеге.

«На престоле, расположенном на возвышении в три ступени и украшенном сверху донизу золотом, жемчугом и драгоценными камнями, сидел великий князь в царском убранстве: на голове у него был золотой венец, выложенный алмазами, притом очень большими; в руке он держал золотой скипетр, тоже убранный камнями; кафтан на нем был красный бархатный, сплошь шитый крупным жемчугом; на шее висело несколько дорогих камней, оправленных в золото и расположенных в виде цепи или ожерелья. На двух пальцах левой руки его было по большому золотому перстню со смарагдом. Впереди у него на каждой стороне стояли два благородных мальчика с московитскими секирами в белых бархатных платьях, по которым крест-накрест висели золотые цепочки» [103, с. 151]. Выше почетного караула стоял боярин и окольничий Борис Федорович Годунов, а рядом с охраной – «канцлер» Андрей Щелкалов.

Все иные вельможи сидели поодаль [92, с. 17]. Посол сразу понял, что именно эти два человека и есть настоящие владыки Московии.

Вся эта обстановка Сапегу нисколько не смутила, он хорошо помнил, зачем сюда пришел. «От имени польско-литовского правительства Сапега заявил, что со смертью Ивана IV мирный договор, заключенный в 1582 году сроком на десять лет между Московией и Речью Посполитой, считается прекратившим свое действие. Если русское правительство хочет мира, то договор будет заключен при условии, что к Речи Посполитой отойдут Северская земля и Смоленск. В случае отказа признать права Речи Посполитой на эту территорию Московию ожидает война» [110, с. 84]. И, чтобы сильнее надавить на новое московское правительство, посол добавил, что султан готовится к войне с Московией; потребовал, чтобы великий князь дал королю сто двадцать тысяч золотых за московских пленников, а литовских освободил без выкупа на том основании, что у короля пленники все знатные, а у великого князя – простые; чтобы все жалобы литовских людей были удовлетворены и чтобы Федор исключил из своего титула название Ливонский [123, с. 196].

Чтобы увеличить свои шансы на успех, Сапега использовал старый, но по тем временам чрезвычайно действенный в международной политике способ: намеренно сообщил великому князю, что турки готовятся к войне с Московией и султан ищет поляков и литвинов в союзники [40, с. 102]. Не знаем, вырвался ли у Федора крик: «Что? Воевать с нами?», как об этом рассказывает один из биографов Льва Сапеги, но среди бояр тревога была посеяна. Сапега с явным удовольствием наблюдал за тем, как московские власти в присутствии Федора вступают в серьезные противоречия друг с другом, не проявляя к нему должного уважения.

Это заставило литовского посла внимательнее присмотреться к личности самого Федора: «Великий князь мал ростом, говорит тихо и очень медленно. Рассудка у него мало, или, как говорят иные и как я сам заметил, вовсе нет. Когда он во время моего представления сидел на престоле во всех царских украшениях, то, глядя на скипетр и державу, все смеялся» [123, с. 196, 197]. При этом некоторые биографы делают выводы, что Федор показался Сапеге клоуном. Примерно так полагали и другие современники, которые имели возможность общаться с Федором Ивановичем. Джером Горсей писал, что «царевич (Федор) был прост умом» [85, с. 75]. Шведский король говорил, что русские между собой называют его *durak*. Но некоторые все же сомневаются в слабоумии Федора: «Действительно ли Федор был таким, каким описал его Лев Сапега? Неизвестно, так как согласно другим историческим сведениям сын Ивана Грозного своей хитростью и авантюризмом превосходил даже отца, а его поведение во время официальных встреч – это не более чем игра и специальный маскарад» [52, с. 17]. (пер. наш – *Л. Д.*). На наш взгляд, такая постановка вопроса не совсем корректна. Выражая подобное мнение, этот исследователь на повестку дня ставит и другой вопрос: если Федор был настолько умен и способен на разные ухищрения, то, видимо, слабостью ума страдал сам Сапега? Надеемся, такая формулировка позволяет понять ошибочность мнения, высказанного одним из биографов Льва Сапеги.

Слабоволием Федора Ивановича и боярским несогласием хотел воспользоваться Стефан Баторий, чтобы развязать с Московией войну. Донесения Сапеги, кстати, поддерживали короля в его планах: «Ненависть и несогласие царят между самыми знатными лицами, а это свидетельствует об упадке. Самое время покорить это государство, и о том здесь уже думают и открыто говорят, что ваша королевская милость использует этот случай. И, как я слышал от местных бояр, они мысленно уже присоединяют к вам оба княжества, Смоленское и Северское, а князь Бельский даже предрекает (дай бог, чтобы оправдалось), что ваша честь скоро будет в самой Москве». Письма Сапеги зачитывали сенаторам как доказательство легкой победы.

Однако планы короля неожиданно для него встретили сопротивление именно со стороны литовско-русских шляхтичей ВКЛ. Ради чего снова воевать? Разве что королю ради своей чести. Предыдущие войны обессилили Литву. Неурожай грозил стране голодом. И как бы

новая война не принесла только беды [71, с. 357]. На сейме Великого княжества в Волковыске Стефана Батория не поддержали. Против войны выступала и польская шляхта. Такая позиция помешала Баторию воплотить в жизнь воинственные намерения…

Еще один вопрос был для Сапеги принципиальным. В Москве держали под стражей пленных соотечественников. Они передали Сапеге записку с просьбой о помощи. «Ежедневно мое сердце сжимается от боли, когда слышу их мольбы, хотя и далеко от них нахожусь», – говорил он.

После непродолжительных рассуждений бояре дали ответ. Новое московское правительство выражало сильное нежелание воевать, и поэтому решено было приложить усилия, чтобы продлить перемирие. Великий князь с боярами решил еще во время коронации: литовских пленных, всех что ни на есть, отпустить в Литву бесплатно, а судьбу своих пленников предоставить решить королю Стефану Баторию. «Если Стефан-король московских пленных не освободит, то правда государя московского будет на нем и очевидной будет для всех приграничных государей, а захочет Стефан-король пленных продать, то их выкупим» [123, с. 196]. Сапеге объявили это решение и сообщили, что девятьсот пленных уже освободили и ожидают такого же шага от Батория; что новые жалобы литовских подданных будут удовлетворены, что касается жалоб, которые датированы временами Ивана Грозного, то это дела старые, о них вспоминать некрасиво, были в те времена и обиды русским людям от Литвы, но о них государь (московский) не вспоминает. Сапеге объявили также, что наименование Ливонский Федор унаследовал от отца своего вместе с государством.

В итоге литовский посол отбыл, заключив перемирие на десять месяцев, и от привезенных им новостей король не стал миролюбивее. Непродолжительный срок перемирия в данном случае принципиальная позиция ВКЛ. Перемирие – не мир, а лишь отсрочка войны, и Стефан Баторий хорошо это понимал. На наш взгляд, заключение такого короткого перемирия максимально отвечало интересам короля, но, скорее всего, не в полной мере соответствовало потребностям ВКЛ.

Московским боярам, и прежде всего Андрею Щелкалову, Лев Сапега показался не серьезным государственным мужем, а юношей, который только-только начинает путь в политику. Поэтому послу оказали честь без ласки: он, не приглашенный Федором к прощальному обеду за царским столом, с обидой поехал домой и не пустил к себе чиновника с блюдами с великокняжеского стола [92, с. 17].

В белорусской исторической литературе господствует следующее мнение относительно результатов первого посольства Льва Сапеги: «Неслыханный успех посольства, особенно сенсационное решение Федора отпустить на волю пленных без выкупа, породило в политических кругах Европы противоречивые слухи и стало причиной самых различных предположений. По утверждению одних, новый московский великий князь был жалкий политик и даже не при своем уме… Но, как бы то ни было, положительные результаты были бесспорны… Удачные переговоры принесли Сапеге славу выдающегося дипломата» [52, с. 17] (пер. наш – *Л. Д.*).

Эту точку зрения разделяют и другие белорусскоязычные биографы Льва Сапеги. Но нужно добавить, что руководил внешней политикой в Московском государстве не слабоумный великий князь Федор, а один из самых опытных дипломатов своего времени – Андрей Щелкалов, о котором уже тогда шла молва как о хитрейшем из людей, живших на свете [85, с. 169]. Выдвигая в своих работах на первый план сына Ивана Грозного, эти биографы, на наш взгляд, тем самым умаляют значимость достижений молодого Сапеги в первом его посольстве в Москву – будто бы выиграл, ведя переговоры с полудурком. На самом деле Сапеге противостояли первоклассные дипломаты российского государства во главе с Андреем Щелкаловым, который прошел отличную школу во время властвования Ивана Грозного. Разведка боем, как понимал цель посольства Стефан Баторий, Сапеге полностью удалась. Он вовремя проинфор-

мировал своего монарха о реальной ситуации в стане противника, но король и страна были не готовы к началу военных действий.

Стефан Баторий остался доволен работой Льва Сапеги, а всякая хорошая работа должна быть соответствующим образом вознаграждена. Король пожаловал ему Слонимское староство (пожизненно), а со 2 февраля 1585 года – должность подканцлера Великого княжества Литовского [52, с. 17].

Глава 2.3. Новые переговоры с Москвой, свадьба Сапеги и внезапная смерть короля

В жизни Льва Сапеги 1586 год был отмечен по крайней мере тремя крупными событиями. Одно из них было радостным: Лев впервые связал себя узами брака; другое – печальным: в конце этого года умер король, который поспособствовал его невероятному восхождению по карьерной лестнице, а третье, тесно связанное с первым, – вероятнее всего, конъюнктурным: Сапега в очередной раз изменил вероисповедание.

В возрасте двадцати девяти лет Лев Сапега женился на Дороте Збаражской, дочери люблинского каштеляна Андрея Фирлея. Их свадьба состоялась 1 сентября 1586 года. Для Дороты это был не первый брак. Раньше она была замужем за шестидесяти трехлетним стариком Стефаном Збаражским, воеводой трокским, родила ему дочь (к слову, Дорота стала третьей по счету женой Стефана Збаражского). Естественно, что их брак не мог быть долгим. Любвеобильный трокский воевода умер в 1585 году. Крещенный по православному обряду при рождении, убежденный протестант в сознательном возрасте, перед смертью он успел принять католичество – история, типичная для того времени.

Будущая жена Сапеги, наследница большого состояния, – католичка, а он – протестант. Чтобы стать мужем Дороты, в 1586 году Лев переходит в католицизм [18, с. 222]. В данном случае изменение вероисповедания было продиктовано чисто прагматическими целями, а именно женитьбой, и никакой моральной подоплеки, как, скажем, у Николая Радзивилла Сиротки, под собой не имело.

Чтобы сыграть достойную свадьбу, Сапега вынужден был продать одно из своих имений за пятьсот коп грошей. Однако пустить пыль в глаза и заставить молчать недоброжелателей (о его жене отзывались весьма нелестно) пышной свадьбой все равно не удалось.

Этот брак был недолгим: через пять лет, в 1591 году, Дорота ушла из жизни. Однако она успела родить Сапеге сына Яна Станислава и еще троих детей, которые, впрочем, умерли во младенчестве. По утверждениям некоторых биографов, свою падчерицу Барбару Збаражскую Лев Сапега также воспитал как родную дочь.

Получив должность подканцлера литовского, Сапега стал вторым человеком в государственной канцелярии. Перед ним открылись исключительные возможности для претворения в жизнь давней мечты – создания мощного белорусско-литовского государства, способного экономически и военно-политически противостоять врагам, не зависящего от союзной Польши [52, с. 17]. Чего еще должен желать молодой мужчина, легко взошедший на вершину власти? Продолжать свой путь, стремясь достичь вожделенной цели. Астафий Волович, великий канцлер и виленский каштелян, не мешал ему в этом. Однако далеко не все сразу получалось так, как хотелось. Успехи молодого и не слишком родовитого Сапеги вызывали раздражение у литвинской знати, недолюбливавшей не только короля Стефана Батория, но и его удачливого протеже.

Однако интриги магнатов были незначительными по сравнению с очередной политической авантюрой, в которую пустились старые знакомые Льва Сапеги – Андрей Щелкалов и Борис Годунов. В начале 1585 года переводчик Посольского приказа Яков Зборовский, принимавший непосредственное участие в русско-австрийских переговорах, находясь в Польше, довел до сведения поляков исключительно важную информацию о положении в Москве. С его слов, русские окончательно договорились между собой, управление всем государством Московским сосредоточено в руках двоих – Бориса Федоровича Годунова и Андрея Щелкалова. Причем Щелкалов занимает более прочное положение, нежели зять великого князя (Б. Годунов) [116, с. 28].

В начале 1585 года Б. Годунов направил в Вену несколько доверенных лиц. Переговоры с императорским двором держались в строжайшей тайне. Но польско-литовские дипломаты все же узнали о них: щедрое вознаграждение способно развязать любые языки.

Разоблачения тайной московской политики, сделанные Яковом Зборовским, носили сенсационный характер.

Не рассчитывая на то, что Ирина Годунова удержит трон после смерти Федора, Борис Годунов тайно предлагал Вене договориться о заключении брака между ней и австрийским принцем и о последующем возведении принца на московский престол. Федор Иванович имел слабое здоровье и ему предсказывали короткую жизнь. Он чуть было не умер в первый год своего правления. Борис Годунов понимал, что кончина Федора привела бы к крушению его собственной карьеры, и лихорадочно искал выход.

Но сватовство завершилось неслыханным скандалом. Великий князь Федор выздоровел, а переговоры получили огласку. Литовский посол Михал Гарабурда, направленный в Москву Львом Сапегой, заявил решительный протест по поводу венских переговоров. Инициаторы венской интриги выступили с неловкими оправданиями. Цель, поставленная Сапегой, была достигнута. О переговорах узнали политические противники Бориса Годунова и Андрея Щелкалова. В первую очередь сам великий князь Федор, женатый на Ирине Годуновой, родной сестре Бориса. С этого момента безоблачные отношения между двумя родственниками омрачились. В дальнейшем с виду кроткий, недалекого ума великий князь Федор не раз потчевал палкой своего хитроумного шурина Бориса Годунова.

Литовская дипломатия оказалась на уровне, ведь если бы это дело удалось, Речи Посполитой грозило бы оказаться меж владений Австрийского двора. В случае смерти Стефана Батория она невольно должна была бы избрать на трон кого-нибудь из принцев этого дома, чего не хотели ни сам Стефан Баторий, ни коронный канцлер Ян Замойский, ни Лев Сапега.

Когда Стефану Баторию сообщили, что этим делом озабочен не только Австрийский двор, но и в замке Регенсбург собрались курфюстры немецких княжеств для совещания о помощи Максимилиану в борьбе за престол московский, король почувствовал угрозу для Речи Посполитой.

Решено было направить в Москву уже известного и хорошо принятого там, притом еще и православного, Михала Гарабурду, минского каштеляна (военный комендант минского замка). Старик Гарабурда был уживчивым и всеми уважаемым дипломатом и к Московии относился с симпатией.

Он вез московскому правительству предложения, которые должны были противодействовать предложениям австрийцев. Новая инициатива панов-рады Великого княжества – проект польско-литовско-московской унии, которая породнила бы эти три славянских государства [71, с. 357]. Участвовал в разработке этой идеи и Лев Сапега. Суть нового проекта заключалась в следующем. В случае смерти Стефана-короля и отсутствия у него потомков Королевство Польское и Великое княжество Литовское соединить с московским государством под одну государственную руку великого князя Федора: Краков против Москвы, а Вильно против Новгорода. В случае смерти великого князя Федора московскому государству быть «под рукой нашего государя – Стефана Батория, а другого государя московитам не искать» [123, с. 202].

Московские бояре не приняли такого предложения литвина. Однако тот твердо вел линию Сапеги, предлагая разные варианты: «Если пошлет бог по душу господина вашего, то государство Московское соединить под рукой господина нашего; государства разные, а голову одну бы над собой имели. Если же Стефана-короля не станет, то нам, полякам да литвинам, вольно выбрать в государи вашего князя, а вольно нам его и не выбирать» [123, с. 202].

Видя такую настойчивость, бояре московские заявили следующее: «Ты, посол великого государя, пришел к великому государю нашему и такие некрасивые слова говоришь об их госу-

даревой смерти? Кто нас не осудит, если мы при живом государе, видя его здоровье, будем такие переговоры вести?»

Услышав такой ответ, Гарабурда понял всю тщетность своих усилий, удобный момент был упущен, Федор выздоровел. Литовский посол на месте убедился, что скорая смерть Федору не угрожает, поэтому вести наступление на бояр не имеет смысла. Тем не менее он выдвинул новое предложение – созвать на границах государств съезд государственных людей для утверждения вечного мира между странами. Бояре, имея целью выиграть время, соглашались на съезд, но с условием продолжения срока перемирия. На это Гарабурда возразил, что ему такого поручения не давали. Тогда бояре ответили: «Но что за дело с собой привез? Приехал с мелочью, с тем и уедешь» [123, с. 203]. Славянский союз и вечный мир, со слов московитов, ничего не значащая мелочь.

Гарабурда действительно уехал ни с чем. А зря московские бояре не согласились обсуждать проект персональной унии. В скором времени они вспомнят об этом предложении Сапеги.

Вслед за Гарабурдой в Литву двинулся московский посол – князь Троекуров. Андрей Щелкалов не придумал ничего лучшего, как в другой раз направить к Стефану Баторию своего не слишком удачливого дипломата. Продлить перемирие любой ценой – такая задача была поставлена перед Троекуровым. Князь понимал, что убедить польско-литовское правительство будет не просто. Он лучше сразу бы отправился в ад, чем к Стефану Баторию в Гродно.

Предчувствия московского князя полностью оправдались. Встречен он был отборной бранью. Господа, прежде всех Лев Сапега, очень разозлились, что бояре московские отказались принять предложение о союзе государств. Сапега не был злопамятным человеком, но сейчас ему выдался хороший случай отвести душу, вспоминая несколько месяцев заключения в Московии.

Разговаривал он с князем Троекуровым с позиций сильного. «Потомков у вашего государя нет. А что из себя представляет ваш повелитель от природы, мы знаем: благочестие в нем есть, а против врагов драться не станет. На Москве что делается, мы также знаем: людей нет, а кто есть – то и те худы, строения людям нету, и во всех людях рознь. Бояре думают, что себе пособляют, а они только дело портят: в нашей земле давно ведомо, что бояре ваши посылали к брату императора посла. Но у императора с вашим государством что сошлось? Император сейчас и сам себе пособить не умеет. Глядя на эти переговоры с братом императора, многие государи домогаются и помышляют о вашей земле, а турецкий султан у вас же требует Астрахань и Казань, а крымский хан всегда с вами же борется и дальше воевать собирается, а ваши союзники черемисы же вам враги… И где ум бояр?» [123, с. 204] Закончил свою речь Сапега и вовсе воинственно: «А вы с чем приехали, с тем вам и уезжать» [123, с. 204]. Эти слова буквально повторяли ответ московских бояр Михалу Гарабурде, который он, очень старый почтенный человек, близко принял к сердцу. Настолько сильно, что через несколько дней после возвращения из Москвы слег. Дипломат уже не смог прийти к королю и взглянуть ему в глаза. Он плохо выполнил государев приказ. Вскоре старый дипломат умер.

Тем не менее переговоры продолжались, московский посол даже согласился на приграничный съезд (он все повторял себе: мир любой ценой), но с оговоркой: дескать, много времени требуется для согласования таких действий со всей землей. Сапега понимал: Троекуров тянет время. А последний аргумент и вовсе вызвал у Сапеги смех: «У вас обычно происходит, что решит государь с боярами, на том и станет, а земле к тому и дела нет». Иными словами, все решали московский государь и бояре, а не выборные люди земли московской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.